

А. Крылов

ВОЙНА ЛАРГОВ: *ВНУК КОЛДУНА*

12+

Александр Крылов

Война ларгов: Внук колдуна

«Автор»

2014

Крылов А. В.

Война ларгов: Внук колдуна / А. В. Крылов — «Автор», 2014

ISBN 978-5-532-12560-5

Книга пятая. Испытываемая к наследнику престола Ларгиндии Емельяну невыносимая черная зависть ожесточила сердце ученика школы Рединфорта Варлока, и он решает во что бы то ни стало омрачить его счастливую жизнь, но судьба преподнесет не мало сюрпризов разгневанному мальчику. Вскоре Варлок неожиданно-негаданно узнает, что он никто иной, как внук колдуна Куззолы, а его прадед и вовсе бог Этриуса Сатир! Что же предпримет завистник принца Емельяна, осознав, что он обладает магическими способностями и, почувствовав за своей спиной невероятную силу, о которой только можно мечтать?

ISBN 978-5-532-12560-5

© Крылов А. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Предисловие от автора	5
Введение. Три подарка	10
Глава 1. Безветрие	13
Глава 2. Школа Рединфорта	16
Глава 3. По щучьему велению	18
Глава 4. Еще один ученик	20
Глава 5. Варлок	23
Глава 6. Поиск себя	26
Глава 7. Обманщик	29
Глава 8. Защитник	32
Глава 9. Нападение	35
Глава 10. Ночь на острове	38
Глава 11. Милосердие	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Крылов

Война ларгов: Внук колдуна

Предисловие от автора

Памятуя события, происходившие ранее с героями моих книг про ларгов, хочется поразмышлять об изначальной причине всех бед, не только коснувшейся их, а вообще в целом. Я склонен думать, что она всегда одна. Одна и та же.

Если рассматривать историю Этриуса с момента зарождения на ней жизни, первые кровопролития и ссоры начали происходить на ней благодаря оркам, которые почему-то решили, что создатель цветущей планеты бог Сатир их любит меньше, чем эльбов. Чтобы хоть как-то привлечь к себе его внимание и выплеснуть копившуюся агрессию в горячих сердцах разгневанных орков, их вожди Бурша и Агарзук позволили своим воинам проводить кровавые турниры на бойцовских аренах, но этого вскоре стало недостаточно, чтобы усмирить необузданный нрав сурового народа. Орки погрязли в бессмысленной войне с соседями из зеленых девственных лесов, которая продлилась несколько столетий. Каким образом орки и эльбы пришли к согласию, мы знаем из предыдущих книг. Сейчас важно сделать верный вывод в том, что стало причиной долгой кровопролитной войны на Этриусе. Можно ответить наспех и ошибиться. Вроде бы ответ напрашивается сам собой, вроде бы я уже объяснил причину возникновения конфликта. Обиды? Недопонимание? Гнев? Конечно же, отчасти и эти чувства тоже послужили причиной раздора между жителями Этриуса. Может злоба, ведь орки злые? Ничего подобного, ведь Сатир создавал эльбов и орков с любовью, не смотря на то что, они совершенно не похожи друг на друга по своей природе. А сам бог, может он и правда уделял меньше внимания одному из своих народов, чем заслужил его недовольство? Тоже неверно. Сатир не только был всегда среди своих созданий, но и не переставал убеждать их в необходимости проникнуться любовью ко всему, что он создал, так как они являются частью этого мира, а он такой же живой и чувствительный. Эльбы осознали такую простую философию, вовремя прозрели и обрели желанную гармонию с природой Этриуса, на что она ответила им взаимностью, одарив жителей леса чудеснейшими способностями и долголетием. В свою очередь орки взращивали в себе кровожадность и гнев, что привело их к духовной изоляции от окружающей среды, каждого в отдельности. Сатир отвернулся от них, не оценив их стремлений понаравиться ему, а прекрасные лесные уголья, которые народ Бурши и Агразука не берег, растаяли, словно туман. Однако даже такой поворот событий не заставил орков задуматься, и они с ожесточением погрязли в войне с ларгами, прилетевших на Этриус с Земли спустя какое-то время. Многие орки все же прозрели и ушли на север крошечной планеты, чтобы развиваться в стороне от бессмысленных кровопролитий и вражды. Войны бушевали еще долгие годы, принося только боль жителям Этриуса, пока все народы не осознали, что необходимо жить в мире и искренне отдавать свою любовь, так же как она будет проникать внутрь каждого.

Так что же послужило изначальной причиной всех бед Этриуса? Отчуждение? Да, и это тоже. Все накладывалось одно на другое, и трудно определить, откуда растут корни тернового куста, не вырубив его и не поранив руку. Здесь можно долго ходить вокруг да около и выдумывать всевозможные причины возникновения недопонимания, обид и гнева в сердцах орков, хотя все очень просто. На этот случай существует известное выражение Плутарха, которое гласит: Рыба гниет с головы. Да, да. А дерево сохнет с макушки.

И опять же! Всегда важно делать верные выводы. Не следует винить в кровожадности орков их вождей, ведь они желали своему народу только добра, пусть и сами заблуждались. Они позволяли воинам проливать кровь друг друга на бойцовских аренах и не запрещали им

досаждать эльбам лишь из любви к ним. Так же зачастую любящие родители балуют и воспитывают своих детей, прививая им самые лучшие качества, но забывая возвращать в них духовность и любовь к ближнему. Именно из-за этого происходят все беды. Каждый родитель обязан чувствовать на себе большую ответственность за будущее не только своего ребенка, но и окружающего мира, в который отправляет его. Хочется сразу же напомнить о горьком опыте самого же Сатира и его единственного сына Куззолы, который еще в раннем детстве отвернулся от своего отца. Вот только бог Этриуса делал все возможное, чтобы не допустить неизбежного отчуждения, возникшего между ним и его сыном. Так что воспитание каждого ребенка сугубо индивидуальный процесс и требует очень серьезного подхода, иначе плачевных событий трудно будет избежать. Уж нам хорошо известно, что способен натворить распоясавшийся и не желающий никого слушать сын бога!

Нам следует помнить, что каждый ребенок индивидуален, а мы никогда не станем идеальными родителями. Такое просто не возможно, ведь ошибаются или заблуждаются не только дети. Нам остается только успеть вовремя донести до ребенка необходимую информацию, пока он сам не успел сделать для себя свои выводы в том или ином вопросе. Можно не сомневаться, что рано или поздно ребенок научится ходить, говорить и самостоятельно готовить себе завтрак. Не следует оценивать его поведение и взросление в сравнении с кем-либо. Мало ли кто научился чему-то раньше, а чего-то не совершал вовсе! Ярким примером тому, можно привести нескольких величайших гениев, известных каждому, и бессмысленно пытаться повторить их индивидуальность в своем чаде. Ни для кого не секрет, что Пабло Пикассо научился рисовать раньше, чем заговорил, а Моцарт устраивал свои концерты, виртуозно играя на фортепьяно и сочиняя свои музыкальные пьесы раньше, чем большинство детей начинают читать книги. Не стоит пытаться повторить и достижений Ким Унг Йонга, Грегори Смита и Уильяма Сайдиса.

Ребенок постигает и будет постигать только то, что ему интересно самому. Заставляя и принуждая его к чему-либо, мы рискуем в корне изменить взгляды индивида, что приведет к необратимым последствиям. Пусть молодой побег исходит корнями от нас, но лучшее что мы можем сделать для него – это создать благоприятную среду для его роста и развития. Ребенок индивидуален и чувствует все более остро, чем взрослые. Попытки ускорить рост зеленого ростка и вытягивания его вверх за неокрепшие листья, скорее всего не принесут желанных результатов, лишь только навредят, так же как чрезмерная влага и солнечные лучи способны навредить ему ничуть не меньше.

Следовательно, повлиять на взросление Куззолы Сатир мог, но вероятнее всего ошибался в своих поступках и подбирал неверные слова. Вразумить Куззолу было довольно сложной задачей, так что любящего отца тоже можно понять и винить его глупо, ведь даже зная мысли и мотивы, которые движут кем-либо, нельзя предугадать как он поступит в той или иной ситуации. Чужая голова – потемки. Так же не следует винить и орков за то, что они долгие годы заблуждались и успели совершить много злодеяний, ведь они тоже хотели, чтоб было как лучше, а получилось, как всегда. Разве можно винить того, кто не проявил достаточной сообразительности, чтобы пойти нужной тропой? Они поступали так, как считали нужным, преследуя добрые идеалы. Разве можно винить тех, кто хочет добра, но не знает, что является добром, а что злом, во что следует верить, а где скрыт подвох? После таких умозаключений я и сам начинаю сомневаться в верности своих суждений, но в данном случае мне просто остается сделать верный вывод, и все встанет на свои места.

Сатир был молод и вел беспечный образ жизни. Она была бессмысленна и бесконечна, а насмешки и пренебрежение по отношению к нему со стороны других богов привели его к желанию доказать им, что он не так жалок, каким кажется. Он решил по большей части доказать себе, что способен сделать что-то грандиозное и обрести для себя достойный смысл жизни. Он создал Этриус, затем эльбов и орков, но, как это часто бывает, слишком увлекся и не догля-

дел важных мелочей, которые кардинально повлияли на него самого. Он полюбил эльбийку, а орков оттолкнул от себя. Все произошло так неожиданно, что он даже не успевал осмыслить происходящее. Сатир захотел, чтобы Габриэль родила ему чудесного малыша, и это произошло. Никто не осмеливался даже подумать, что сын бога не чудесен, кроме самого Куззоль! А почему он стал считать себя изгоем? Ему до этого никакого дела не было. Сын Сатира знал только одно – он не хочет унижаться перед смертными созданиями отца и к нему обязаны проявлять такое же почтение, как и к Сатиру. Ох, если бы он больше доверял отцу и больше слушал его, то тогда бы понял, что ему приходится не так-то легко с этой славой среди эльбов и рвением орков заполнить любовь бога, о которой так мечтал Куззола.

Вот они ошибочные выводы! Сатир спешил и не замечал мелочей, Куззола никого не слушал и хотел, не ударив пальцем о палец, получить желаемое, а эльбы своей излишней добротой разгневали не только орков, но и напугали сына Сатира, который сразу засомневался в их искренности. Он же был не такой как жители Зеленого города, не такой как Сатир и Габриэль, но все делали вид, что он от них ничем не отличается. Разве он родился слепым, чтобы не видеть своего уродства? Ошибочные выводы. Может все-таки виной всему не они, а недосказанность? Нет же. Все верно. Сначала человек делает ошибочные выводы. Кто ему мешает уточнить у окружающих, а верно ли он мыслит? А вдруг соврут? Снова ошибочные выводы. Когда в сердце закрадывается недоверие к окружающим, а у них появляется желание обмануть того, кто нуждается в совете или помощи, тогда и возникает распад общества. Первые ошибочные выводы порождают за собой множество ужасных чувств и качеств в восприятии смертных и даже богов, которые приводят к необратимым печальным последствиям для всех. Как только они закрадываются в наши души, необходимо срочно изгонять их прочь, дабы сохранить свою доброту и любовь к ближнему. Это обязанность каждого и всего общества в целом, а для родителей всегда во все времена было и будет самой первой задачей направить своего ребенка к свету, словно молодой зеленый росток.

Так Сатир направлял Куззоль к свету, дарил ему свою любовь, разве нет? Главное не делать ошибочных выводов. Пока что мои рассуждения вроде бы на верном пути, значит, не хватает еще чего-то важного. Что же я упустил? Что же влияет на ребенка в раннем возрасте не меньше, чем его родители? Все просто. Страх!

Взрослея, мы адаптируемся к стрессам и находимся в постоянном взаимодействии со своими страхами. Ребенок же вынужден столкнуться с ними вплотную лицом к лицу, и если у него будет возможность поделиться с взрослыми тем, что беспокоит его, возможно, ему будет оказана своевременная помощь, но если ребенок отгородится от окружающих своими же страхами и не захочет поделиться своими переживаниями, то уже будет довольно сложно помочь ему. Куззола замкнулся в себе, а Сатир упустил бесценное время, нежась в лучах счастья и не замечая, что от него отдаляется сын и народ Пустошей. Что же касается орков, то они вообще пошли к свету по извилистой дорожке, которая завела их в дремучий непролазный лес, из болот которого они бы ни за что не выбрались, если бы не ларги и эльбы. Всеми, о ком я только что упомянул, руководил страх! Безудержный и неумолимый страх, в котором все жители Этриуса дружно погрязли вместе со своим создателем, только у каждого он был свой.

Сатир перестарался с новациями на своей планете, и, вероятно, вдохновение оставило его. Он начал бояться, что еще больше навредит своему сыну, народам Этриуса и вообще уничтожит своими же руками все свои труды вместе взятые. Куззола наоборот боялся, что вся его жизнь так и пройдет в тени славы отца, а над ним не будут смеяться только потому, что он сын бога. Эльбы боялись оступиться, нарушить сложившуюся гармонию между ними и окружающей их природой. Они слишком умиротворились, не допуская в свое сознание каких-либо опасений и тревог, что позволили им застать себя врасплох. Неосознанный страх взял свое, став их кошмаром! Орки, нападок которых эльбы долгое время не воспринимали всерьез, вызвали в сердцах жителей леса еще один страх за жизни ларгов, прибывших с Земли и поселившихся

по соседству. Нельзя было позволить этим заблудшим варварам из Пустошей Этриуса учинить кровавую расправу над ни в чем не повинными поселенцами с далекой планеты. Это был осознанный страх и эльбы вовремя подросли на помощь к ларгам, увязнув вместе с ними в кровопролитной войне против орков. А что орки? Орки, как обычно, старались не задумываться над верностью того, что начинало входить в их традиции, а именно – ненависть к эльбам и ларгам. Они просто делали то, что прививалось им с рождения, а таких добродушных мыслителей, как Крумш или Бух Рух, угнетали и не желали слушать вовсе.

Можно подумать, что опять-таки виноват Сатир, который не удосужился вразумить орков и Куззолу? Легко сказать. Конечно, можно винить его за то, что он не нашел своевременно сказанных и верных слов для них, но на этот счет есть мудрые слова из Священного писания: Имеющий уши да услышит, имеющий глаза да увидит. Никто не мешал Куззоле прислушаться к наставлениям отца, а орков спросить своего создателя, как им следует поступить в той или иной ситуации. Будь у Сатира большой запас времени на осмысление происходивших на Этриусе событий, маловероятно, что они приняли бы другой виток, если бы бог попытался вести себя более тактично и красноречиво. Не стоит забывать, что масло в огонь под кипящим котлом страстей на планете Сатира подливал коварный бог смерти Анубис, но и его винить не за что. Его терзали другие пороки, нежели страх, однако он самостоятельно извлек из этого хорошего урока жизни верные выводы и раскаялся в совершенных злодеяниях. Сатир же нашел в себе силы и простил его. Так что в любом случае он не был обязан бегать за каждым и принуждать кого-либо поступать так, как хотелось бы ему самому. Каждый вправе поступать, как ему заблагорассудится, тем более, если он считает себя здравомыслящим и способным принимать важные решения. Главное, не делать ошибочных выводов! Так разве можно винить Сатира за то, что он поверил в умственные способности своих смертных созданий и своего неблагоприятного сына, которые поступали своевольно и руководствовались своими необоснованными страхами? А в чем виноват уродливый горбун Куззола, которому выпала нелегкая доля расти в окружении красивых и умных созданий? Какие же тогда могут быть предъявлены обвинения к оркам за их неразумное поведение, если даже их создатель не смог найти общий язык со своим сыном. Смех и грех!

Даже скоротечность времени глупо винить в происходивших на Этриусе событиях. Да и как можно обвинять страх? Впрочем... Легко. Страх разрушителен и самый страшный страх тот, который зарождается с раннего детства или развивается в своем носителе длительное время, эволюционируя и принимая более ужасную форму, чем был изначально. С ним необходимо бороться сразу, не позволяя ему завладеть другими чувствами и эмоциями, иначе он поглотит своего хозяина полностью. Как я писал ранее, необходимо всегда стараться делать верные выводы и развивать в ребенке духовность, именно те свойства души, которые позволят ему стремиться к внутреннему совершенствованию, преследуя только истинно добрые цели в жизни и руководствуясь силой духа, нравственностью и интеллектом.

Итак, после непродолжительных размышлений я умозаключаю, что все беды, которые способны коварно возникать время от времени на пути у кого-либо являются следствием чьей-либо бездуховности. Иными словами недостаток внимания ребенку или его неверное воспитание рано или поздно могут повлечь за собой нежелательные последствия, но это не значит, что виноватыми будут его родители. Ничего подобного! Каждый сам отвечает за свои поступки и слова, хотя и здесь нельзя чесать всех индивидов под одну гребенку, так как всегда существуют разные непредвиденные обстоятельства, и путь становления личности у каждого свой. Даже если ребенок находился на собственном попечении, у него не было возможности поделиться с кем-либо своими опасениями, спросить у кого-нибудь совет в той или иной ситуации, он не был способен самостоятельно избавиться от своих страхов... Да бог еще знает, что могло произойти в жизни! Но в каждом из нас, еще до появления на свет, заложена та самая духовность, о которой я писал чуть выше, и сколько бы тебя не сбивали с пути, сколько бы бед тебе не

пришлось пережить, постарайся сохранить ее. Если каждый из нас будет предан всем сердцем и душой той истинной доброте, которая только возможна и какую бы хотелось нам получать взамен от окружающих, этот мир стал бы прекрасен, и каждый живущий в нем индивид был бы поистине счастлив!

И вот когда с самым животрепещущим на мой взгляд вопросом покончено, хотелось бы вернуться к моей пятой книге про ларгов "Война ларгов: Внук колдуна", хотя впрочем, мы практически и не отстранились от нее. Именно в этой книге я буду вынужден раскрыть проблему воспитания и становления личности ребенка, пусть даже для этого мне придется поведать моим читателям эту жуткую историю. Однако не стоит пугаться раньше времени, так как ее события окажутся не более кровавыми и не менее душевными, чем в предыдущих книгах. Не будем позволять нашим страхам завладеть нашими чувствами и, собравшись с духом, вернемся на Этриус, куда уже успели вернуться ученые Ларгиндии с далекой Земли. Конечно же, Александру, Луне и Орф Жоругу не довелось покинуть пленившую их планету, хотя они совершили свое долгое и невероятное путешествие на нее не напрасно. Как было и намечено, героям Этриуса удалось спасти прелестную Эмилию из лап коварного тирана Циродаля Доброго, свергнутого ими с трона Кристонии. Не буду углубляться в детали и позволю фантазии читателей поработать самостоятельно. Замечу только то, что героям Этриуса удалось принести счастье в маленькое королевство на Земле, но весь Этриус был омрачен тем, что они не вернулись обратно. Так уж случается – одно лечим, другое калечим. Да и вообще довольно сложно что-то построить, не сломав другое. Как бы там ни было, не будем судить Александра и Луну за то, что они оставили свою дочь на попечение дедушки Лиэля и бабушки Джунны, не сдержали данное ей обещание вернуться назад, как только у них будет такая возможность. Герои Этриуса были не в силах предать той самой духовности, которая была заложена в них с самого их рождения, поэтому рискнули всем, что у них было, чтобы вызволить из беды прелестную леди Нотингхорф и спасти жителей Кристонии от тирана. Такой бесстрашный и добрый путь, который был пройден Александром, Луной и Орф Жоругом достоин только восхищения и гордости за них.

Место для новых героев всегда найдется, смею вас заверить. Вперед, дорогие мои читатели, только вперед! Приятного чтения!

Введение. Три подарка

Через долгие годы после путешествия на Землю в Кристонию, преодолев космические просторы, межзвездный корабль ларгов вошел в орбиту Этриуса и неспешно приступил к снижению. Жители крошечной планеты Сатира уже знали о его возвращении, так как старый астроном Рединфорта своевременно завидел среди мерцающих в небе звезд быстро движущуюся светящуюся точку, которая приближалась к Этриусу. Поначалу он подумал, что это комета или метеор, но приглядевшись к ней, понял, что «Астерикс-1» неожиданно-негаданно вернулся обратно.

Космический корабль приземлился на месте Черного леса, который некогда располагался между Бардреном и Оазисом. Здесь его уже дожидались орки, эльбы и ларги, собравшиеся, чтобы посмотреть на такое знаменательное событие. Вернувшихся домой ученых встречали и провожали до Рединфорта большой шумной толпой. Они охотно рассказывали о своем невероятном приключении на Землю, о жизни на ней и, конечно же, о славном подвиге героев Этриуса. Не менее интересно им было послушать о том, как обстояли дела на Этриусе. За время их отсутствия событий произошло не мало, но в целом все обстояло хорошо, даже отлично. Ученых интересовало все, поэтому они с удовольствием слушали любого рассказчика, желающего поделиться с ними своими переживаниями минувших лет.

Как стало известно, по словам жителей болот, посреди океана есть группа островов, о которых им сообщил Куззола неоднократно при жизни летавший туда на вивернах. Там на кронах деревьев крылатые чудовища отдыхали после охоты и рыбалки, а потом возвращались домой. Сын Сатира не даже мечтал переселить тритонов на острова, так как ему не очень нравилось жить на болотах. Несмотря на то, что для его народа такая среда обитания была наиболее пригодной для жизни, его частенько раздражал неприятный гнилостный запах источаемый болотами и бесчисленные орды насекомых, извечно нарушающих спокойствие каждого отдыхающего. Куззола с упоением рассказывал тритонам, как благоухает ароматами трав и цветов воздух на островах, на деревьях зреют сочные фрукты, а леса там полнятся от всякой живности. В доказательство он не раз привозил для жителей деревни на болотах разную экзотическую еду и разные загадочные вещи, созданные природой. Обо всем этом, тритоны охотно рассказали королю Ларгиндии Брагусу, и его тоже обуяла страсть побывать на райских островах, раскинувшихся посреди океана.

Вскоре на заболоченном побережье с разрешения тритонов и по приказу Брагуса была построена верфь. Строили ее по большей части орки под руководством лесорубов Ларгиндии, так как те и другие отличались от остальных жителей Этриуса своей силой и умением валить высокие могучие деревья. Так же после многих неудачных кораблестроительных попыток на воду спустили первое судно, на котором вполне можно было бы добраться до островов. С гордо развивающимся над мачтами флагом Ларгиндии, оно успешно совершило свое дебютное плавание к островам и обратно. Некоторым пассажирам судна захотелось остаться там, и они понемногу начали обживать, что привлекло еще больше поселенцев, жаждущих окунуться в райскую жизнь на тропических островах. Места здесь хватало всем и никто не испытывал недовольства или неприязни к соседям. Все жили дружно, помогая друг другу.

Ко всему прочему, между многими орками и тритонами начали возникать любовные отношения, что было весьма предсказуемо, ведь лесорубы из Кругара находили молоденьких девушек из деревни на болотах весьма привлекательными. Однако последствия их бурной любви одновременно приносили как радость, как и ссоры. Детей, рожденных от тритонов и орков стали называть гоблинами. В большинстве случаев они не походили ни на матерей, ни на отцов, пугая всех своей непривлекательной внешностью и уродствами. Многие из жителей Этриуса, как им казалось, всерьез сравнивали детей с Куззоллой, будто они внешне походили на

него. Сатир призывал всех сохранять спокойствие и не преувеличивать свои наблюдения или опасения. Он постоянно напоминал своим смертным созданиям, что каждый ребенок рождается добрым и нужно всегда смотреть на внутренние качества, а не на внешность. Бог опасался, что подобное негативное отношение к детям, рожденным тритонами и орками, может привести к плачевным последствиям, но его словам мало кто внимал. Большинство гоблинов перебирались на острова, желая оказаться подальше от гонений и насмешек. Негативное отношение к ним постепенно начало утихать и все жители Этриуса почти привыкли к новой расе, появившейся на их крошечной планете, но в удивление для себя получили ответную реакцию от гоблинов. Механизм, который возник благодаря недалёковидности и закостенелости взглядов, был запущен, и оставалось верить, что он не приведет к плачевным последствиям, от которых так старательно пытался уберечь своих созданий проницательный Сатир.

Вернувшись с Земли, ученые Ларгиндии только покряхтели и покачали головами, не находя достойных ответов на сложившуюся ситуацию. Все же раньше времени не стоило ее нагнетать, поэтому они, преисполненные радостью от возвращения домой, предстали перед своей королевой во дворце Рединфорта. Лидия и Брагус, сидевшие на тронах, почтительно поднялись и поклонились ученым, сделавшим тоже самое чуть раньше.

– С возвращением! – добродушно воскликнул молодой король, – Мы несказанно рады видеть вас живыми и здоровыми дома! Но где же наши любимые Луна, Александр и Орф Жоруг, что с ними?

– Мы тоже рады, что стоим сейчас перед вами, но испытываем большую печаль, будучи вынужденными сообщить вам о том, что они погибли!

Лидия вскрикнула, закрыв ужаснувшееся лицо руками, и обессилено опустилась на трон.

– Смею заверить вас, что ваша мать жива и пребывает в полном здравии, но она отказалась вернуться на Этриус, хотя разрывалась на части, когда ей предстояло сделать тяжелый выбор между мужем и дочерью, – поторопился сообщить ученый.

– Я все понимаю, – смахнув слезы, прошептала Лидия, – Я хочу знать, как все произошло. Прошу вас, усаживайтесь.

Ларги в белых халатах разместились на деревянной скамье около стены и приступили к долгому рассказу, начиная с момента самого отлета на Землю и заканчивая своим возвращением на Этриус.

– Все ради любви, – Лидия вдумчиво повторила последние слова ученого, которыми он завершил свою речь.

– Ваше величество, теперь, когда вам все известно, нам хотелось бы хоть немного скрасить вашу печаль и передать три подарка от героев Этриуса и Кристони, – добавил ученый.

Не способная сдержать слез и произнести ни единого слова, Лидия просто кивнула.

– Наши ученики, с вашего позволения, внесут их. Первый подарок от Александра! – не дожидаясь ответа от молодой королевы, скомандовал ученый.

В распахнутые двери по ковровой дорожке в тронный зал вошел юноша в белом халате. В руках он держал бесценный клинок отца Лидии, которая сразу же вскрикнула, увидев его. Брагус невольно взял ее за руку. Выждав немного, давая возможность королеве прийти в себя и настроиться увидеть следующий подарок, ученый позвал второго ученика.

– Это подарок от Луны. Ей хотелось, чтобы вы чаще улыбались, слезы вам не к лицу, – сказал ученый, когда в зал вошел другой юноша и внес большую игрушечную пушистую пантеру. Она оказалась не настоящей, хотя на первый взгляд можно было подумать, что она живая. Лидия на мгновение улыбнулась.

– Каждую весну и осень у вашей матери была линька, и она решила сделать для вас такую игрушку из своей шерсти. Она просила сказать вам, что очень вас любит, Ваше величество, но жизнь так сурово распорядилась, что обниматься сможете только вы, но она будет всегда рядом.

– Я тоже люблю ее, – прошептала Лидия.

– Что ж, подарок от Орф Жоруга может войти самостоятельно! Молния, покажись нам! – ученый обеими руками указал на двери, куда все присутствующие приковали свои взгляды. В тронный зал вошли девушка в белом халате и грациозная соловая лошадь с хрустальным рогом во лбу. Единороженица поклонилась Лидии и Брагусу, передав словесное послание от шамана. Возникла немая тишина, которую никто не решался нарушить. Все пребывали в восхищении, любуясь красотой Молнии и ее чарующим голосом.

Переполняющие Лидию чувства взяли над ней верх, она эмоционально вздернула руки вверх и набросилась на Брагуса, заключив его в крепкие объятия. Ее страстный поцелуй и счастливый выдох в немой тишине услышали все присутствующие в тронном зале, что вызвало всеобщий добродушный смех.

Глава 1. Безветрие

Впрочем, вскоре страсти на Этриусе поутихли, и в отношениях между расами установилась тихая безветренная погода. Вернувшиеся домой ученые быстро вошли в курс дел и с энтузиазмом приступили к выполнению своих повседневных обязанностей, а именно внедрению новых идей и совершенствованию уклада жизни не только внутри своего королевства, но и в масштабах планеты. В первую очередь они посоветовали королю Ларгиндии Брагусу различные методы для развития сельского хозяйства и животноводства, проинструктировали его в экономических, политических и образовательных вопросах. Ознакомившись с учебной программой Рединфорта, один из ученых счел необходимым взяться за преподавание в столичной школе некоторых предметов лично, будучи уверенным в том, что никто кроме него не способен донести до учеников те сакральные знания, которыми владеет он. Совет Ларгиндии охотно одобрил его решение, особенно Брагус, так как он сам в детстве учился именно у этого ученого. Он не забыл, как интересно было на занятиях у этого старого седовласого ларга, одного из долгожителей Этриуса, повидавшего много всего на своем веку, чем ему непременно следовало поделиться с новым поколением.

Другой ученый с разрешения короля вместе с двумя учениками с Земли возобновил работу над научными исследованиями в лаборатории Рединфорта, ведь он как никто другой превосходно разбирался в алхимии, физике и мистике. На счету этого мудреца имелось немало важных открытий, не меньшее число которых он держал в секрете, о чем хвастливо заявлял при любом удобном случае. Возможно, ему, таким образом, хотелось представить себя более значимым в глазах совета, но это было маловероятным. Несомненно, ученый обладал различными тайными знаниями, переданными ему прежними алхимиками, и в случае необходимости он докажет, что говорил правду, раскрыв завесу тайны своих секретов, но до того момента как это произойдет он требовал не пытаться выведать их у него или его учеников. Ссориться с мудрецом никому не хотелось, поэтому к нему не приставали с расспросами, тем более многие знали, что он в свое время часто о чем-то беседовал наедине с Луной и Орф Жоругом, а о содержании их разговоров невозможно было даже догадываться. Самое главное мудрый ученый редко сердился на кого-либо и обладал очень добродушным характером, поэтому никто не опасался, что он применит против окружающих огненные шары или молнии лишь бы доказать всем свое могущество.

Третий ученый загорелся особым рвением побывать на райских островах и отправился на них вместе с оставшимся учеником через океан не на корабле, а на воздушном шаре. По его просьбе и чертежам мастера Рединфорта сконструировали плетеную из дерева корзину и оболочку для шара из холста, а вышеупомянутый алхимик обклеил ее изнутри специальной бумагой. Впоследствии все необходимые для полета материалы погрузили на телеги и доставили из Рединфорта на побережье Ларгиндии в небольшой портовый городок под названием Яроводье, где планировалось устроить торжественный запуск воздушного шара и всем городом отправить в полет отважного ученого и его ученика. В гавани рабочие водрузили корзину на небольшой постамент с несколькими ступенями по периметру. Затем они надежно прикрепили к ней на прочных канатах оболочку шара и предусмотрительно усилили ее веревочной лентой. На дно корзины была установлена небольшая жаровня и легкие берестяные коробка с мокрой соломой и шерстью, из которых сжиганием и получением горячего пара планировалось раздуть оболочку шара и устремиться в небо. Также к корзине закрепили увесистые мешки с песком, служившие балластом, которые при необходимости можно было сбросить, чтобы облегчить воздушный шар и набрать нужную высоту.

В общем, рискованную затею ученого охотно поддержал весь совет королевства, но многие с тревогой отнеслись к ней, так как им с трудом верилось, что она увенчается успехом. Однако

своих опасений никто не посмел высказать, не желая поколебать намерений мудрого и смелого ларга, который не меньше других знал, чем может закончиться его путешествие через океан к островам. Если он не проявит блистательного мастерства управлением доселе невиданным Этриусу летательным аппаратом и не утратит в пути решимости, подвигнувшей его на такую авантюру, то врядли кто-то после этого неудачного полета рискнет отважиться повторить затею ученого. Все же путешествие на Землю и обратно на космическом корабле казалось старому смельчаку куда уж более опасным, что он совершенно не беспокоился за свою жизнь и не сомневался в том, что посетит райские острова и вернется обратно в Яроводье по воздуху.

Посоветовавшись с королевским синоптиком и по совместительству астрономом, ученый выбрал наиболее подходящий день для своего отлета, в который все жители городка собрались в гавани, чтобы проводить путешественника в небо. Ранним ветреным утром к охраняемому стражниками воздушному шару подошли старый ученый и его ученик. Они уже были одеты в теплые одежды, поэтому спешили покинуть землю до того, как солнце озарит побережье своими лучами. Вслед за ними рабочие принесли все необходимое, что им должно было потребоваться в полете. Это были припасы еды и воды, приборы навигации, запасные веревки и несколько скрученных в рулоны холстов из парусины для ремонта, если при посадке в лесу оболочка шара пострадает от веток.

Вскоре все необходимые приготовления были сделаны, и путешественники приступили к розжигу жаровни. Рабочие при помощи длинных рогулин удерживали над огнем оболочку шара, позволяя ей заполняться горячим дымом через отверстие внизу. После некоторого ожидания она начала принимать форму шара, и толпа наблюдателей принялась восторженно рукоплескать. Однако жители Яроводья и гости из столицы поняли, что рано начали радоваться, и их еще больше переполнили эмоции, когда раздувшийся над корзиной шар потянул ее в небо и лишь удерживающие ее веревки, привязанные к деревянному постаменту, не позволяли ей отправиться в путь. Толпа разразилась оглушительными криками и свистом, многие подбрасывали вверх свои головные уборы и различные предметы, словно надеясь привлечь всеобщее внимание к себе и полететь в небо вслед за ними. Их радости не было предела.

Ученый с добродушной улыбкой помахал, прощаясь с разгоряченной толпой, своей вязаной шапкой над головой и приказал рабочим отрубить веревки, приковывающие корзину, в которой он находился, к земле, что было незамедлительно исполнено. Он успел ухватиться за борт обоими руками и устремил свой взор в небо, куда начал стремительно поднимать его воздушный шар. Молодой ученик наоборот тревожно посмотрел вниз и не преминул ухватиться за канатные поручни, последовав примеру своего учителя. Корзину на взлете немного трянуло в сторону, после чего она тяжелым грузом повисла на канатах под раздутым шаром наполненным горячим воздухом. Путешественники стремительно отдалялись от земли, и молодой ученик с восхищением посмотрел на бесстрашное лицо своего старого спутника, который деловито посматривал на какой-то навигационный прибор. Никто из них не спешил поделиться своими размышлениями, да и сильный ветер, бивший им в лица, громко завывал в ушах, что отбивало всякую охоту говорить. Все же молодой ученик не выдержал молчания и обратился к старику, так как его не на шутку обеспокоило то, что до сих пор не знал, как обращаться с приборами, которые захватил с собой тот. Юноше вовсе не хотелось остаться в корзине одному, если вдруг ученый вывалится из нее или его здоровье не выдержит такой нагрузки, которую им предстояло испытывать на такой большой высоте, где они находились впервые. Да и вообще он отправился на Этриус именно за тем, чтобы научиться разным премудростям, увидеть космический простор, орков и эльбов. Юноша покинул Кристонию, чтобы отдать должное жителям Ларгиндии. Ему хотелось стать героем того королевства, откуда прибыл тот, кто стал героем в его королевстве, избавив местное население от тирана, а для этого следовало приобрести множество знаний, которые пригодятся в грядущих геройских приключениях! Смелости тоже бы не

мешало поднабраться, а именно сейчас молодой ученик испытывал не только удовольствие от полета, но и страх. Нелегко было определить, что сейчас влияло на него сильнее.

Однако мудрый ученый не упускал и его из виду, словно паук с множеством глаз, успевающий держать под вниманием все свои владения. Невооруженным глазом он заметил, как его спутник крепко удерживает канатные поручни дрожащими руками, несмотря на то, что с обветренного лица юноши не сходит счастливая улыбка. Ученому не хотелось забивать голову своему ученику навигационными расчетами, климатологией Этриуса и прочими премудростями, при помощи которых он планировал добраться до островов, пока погодные условия будут на стороне путешественников и берестяные кораба с горючим не опустеют. Все эти заботы он обязался взять на себя еще до отправления в путь. Все-таки юношу необходимо было отвлечь от витания в облаках своих тревожных мыслей и немного расшевелить, поэтому он показал и рассказал ему, каким образом нужно поддерживать огонь в жаровне, но все равно строго контролировал все действия ученика, чтобы тот не делал ничего лишнего и не перестарался. Общаться им приходилось на повышенных тонах из-за шквального ветра, который мчал их над океаном к райским островам, что не придавало им особого желания разглагольствовать. Первую половину пути они обращались друг к другу только по делу, но вскоре юноша понял, что у старика все под контролем и от него практически никакой помощи не требуется. Когда же они перекусили и пригубили по глотку крепленого вина из бутылки, молодой ученик почувствовал прилив сил, и ему стало легче дышать. Прошел и кашель. Огромная высота, на которой они находились больше полутора часов, его пугать перестала, а чувство тошноты прошло. Он расслабился и со спокойствием бывалого воздухоплователя принялся наслаждаться из небесной выси красотами Этриуса, проплывающими внизу. Теперь он был счастлив, уже начиная чувствовать себя маленьким героем.

Глава 2. Школа Рединфорта

За прошедшие годы столица Ларгиндии значительно расширилась, поэтому Лидия и Брагус приказали рабочим разрушить городские стены и возводить на их месте новые дома, соединяя с центром города невзрачные тесные рабочие кварталы, которые образовались вокруг Рединфорта. С появлением новых капитальных строений с просторными квартирами у жителей столицы появлялось еще больше стремления обживать здесь и приносить пользу городу, так как все заслуженные трудяги или известные меценаты получали себе жилье в первую очередь. Вторые же с легкой руки отдавали такие подарки от Лидии и Брагуса тем, кого считали наиболее достойными такой награды. Иными словами все, кто не ленился и желал быть полезными окружающим и своему королевству, не оставались в проигрыше и ни в чем не нуждались, а бездельников практически не осталось на всем Этриусе. Уж как обстояли дела в других его регионах в данном случае не важно, но в Рединфорте, что абсолютно бесспорно, каждый находил себе достойное ремесло и был счастлив.

В целом, значительных перемен за время отсутствия ученых Ларгиндии не произошло, в отношениях между народами Этриуса царила тишь и благодать. Однако небольшие проблемы все же возникали, но их старались предугадывать и устранять еще до того, как они перерастут в нечто большее. Одной из наиболее тревожных забот в Рединфорте было отсутствие постоянных хороших учителей в его школе. Конечно же, на их роли вызывалось немало достойных кандидатов, но зачастую что-либо не устраивало какую-нибудь сторону, и приходилось срочно искать им замену. Ситуации случались разные. Бывало, учитель обладает необходимыми знаниями и готов ими поделиться с детьми, а общение не складывается, и дети мягко дают ему понять, что он еще не готов к сотрудничеству с ними. Бывало и наоборот, полюбится детям тот или иной мудрый наставник, слушать которого можно часами, но обстоятельства сложатся так, что с ним в скором времени придется расстаться. Учителя приходили и уходили, словно день и ночь, что не редко причиняло детям душевную боль, когда они не хотели прощаться с ними. Особенно ученикам из столичной школы полюбится учитель изобразительного искусства и искусства речи, появившийся в Рединфорте буквально после того, как разговоры о полете «Астерикс-1» на далекую Землю поутихли.

Им оказался молодой ларг, во всяком случае, по его словам, хотя под его длинными кудрявыми каштановыми волосами не раз замечали кончики острых ушей, которыми обладают только эльбы. Он прибыл в Рединфорт из Кругара, где занимался просвещением сурового народа Пустошей и написанием романтических стихотворений. Вероятно, он посчитал свою миссию в Кругаре выполненной и решил отправиться в Рединфорт, чтобы стать учителем в столичной школе. По сути, такое решение с его стороны было истинно верным, так как в ней обучались дети из разных уголков Этриуса, а хороших учителей постоянно не хватало. Ларг с эльбийскими ушами после разговора с Брагусом и преподавателями из столичной школы сразу же приступил к работе с детьми. Жить в гостевом доме он наотрез отказался, сославшись на то, что ему все-таки необходима от них некоторая свобода, ведь ученики школы не давали прохода своему новому учителю даже после занятий. Им было легко и интересно общаться с таинственным остроухим ларгом из Кругара, а для него, скорее всего, каждая встреча с ними была целым испытанием.

Имени нового учителя школы никто не знал. Он быстро привык к разным прозвищам и ни на кого не сердился, даже если они несли в себе оскорбительную или насмешливую нотку. Более всего ларг из Кругара стал известен под именем Стихоплет, так как зачастую он отвечал своим собеседникам, рифмуя предложения между собой. Однако после посещения школы Рединфорта дедушкой Лидии Лиэлем, когда он столкнулся лицом к лицу с таинственным ларгом, все свидетели их встречи убедились в том, что они явно хорошо знакомы. Старый эльб

и молодой учитель, когда для них представилась возможность, крепко обнялись и, похлопав друг друга по спине, о чем-то разговорились и много смеялись. Они не обращали ни на кого внимания, гуляя по школьному саду, хотя всеобщее внимание детей и взрослых было приковано только к ним. После чего выяснилось из слов Лиэля, который в отличие от Стихоплета соизволил объясниться перед окружающими, где он успел познакомиться с ним.

Как выяснилось, они с Творцом, а именно такое прозвище носил Стихоплет ранее, хорошие друзья, и молодой учитель Рединфорта не только поэт, но также превосходный фехтовальщик. Несмотря на это Стихоплет снова наотрез отказался преподавать детям уроки искусства боя, сославшись на то, что не сторонник насилия, чего желает и всем остальным. Он добавил, что лучшим оружием в любой схватке является красноречие и доброе сердце. Дети с восхищением смотрели на него, но знание о том, что их учитель изобразительного искусства и искусства речи способен поразить любое сердце не только словом, но и рапирой, не давало им покоя. Они хотели во всем походить на него и вскоре так измучили его бесконечными просьбами и требованиями научить их сражаться, что он вынужден был покинуть Рединфорт. Какое-то время он еще пробыл в столице, забросив преподавание в школе, но когда ее ученики разузнали, в какой из гостиниц города проживает Творец, то принесли ему и хозяину заведения немалое беспокойство своими частными визитами туда.

После дети осознали, что изрядно перестарались, сами вынудили своего любимого учителя оставить их и уйти. Замену Творцу нашли быстро, но новому учителю было не сравниться с ним. Такой жестокий урок жизни научил их ценить то, что они имеют, поэтому они проявляли терпимость ко всем, кто дарил им свои знания и свое бесценное время, веря, что когда-нибудь Творец снова вернется в Рединфорт.

Когда же вернувшийся с Земли ученый, знавший лично самого Клинка и прелестную Луну, проявил рвение учить детей разным наукам, они обрадовались этому знаменательному событию, и их страсти о долгожданном возвращении Творца поутихли. У ученого было в запасе множество историй, чтобы отвлечь их от излишних мыслей и затей. Одна лишь история о путешествии его и героев Этриуса на Землю в маленькое королевство Кристонию вызывала у них неопишимый восторг, и они были готовы часами слушать о том, как Александр, Луна и Орф Жоруг спасали из лап негодяя Циродаля Доброго юную Эмилию Нотингхорф.

В целом, с того самого момента, как старый ученый взялся за преподавание точных наук и истории Этриуса, в школе Рединфорта все обстояло как нельзя лучше. Помимо него у детей еще пользовались ни с чем несравнимой популярностью Лиэль и Лидия, которые тоже делились с ними своими знаниями и талантами. Королева Ларгиндии преподавала им изобразительное искусство и обществознание, а ее дедушка учил новое поколение Этриуса философии и искусству боя, что им следовало знать безраздельно в общей совокупности, чтобы возникало как можно меньше конфликтов и ссор в будущем. Конечно же, в столичной школе имелось еще много других учителей, и частенько происходили замены, хотя из остального их числа особо выделить было некого. Самое интересное происходило на занятиях у старого ученого ларга, старого эльба Лиэля и его внучки Лидии, королевы Ларгиндии, а еще больший интерес к себе вызывал один из учеников школы. Вот только его не всякий раз слушали и еще меньше восхищались им. Чувства, которые испытывали к нему дети, больше походили на зависть и презрение, но, к счастью, чересчур обостренными они были лишь у немногих. Большинство учащихся в школе старались соблюдать нейтралитет по отношению к тому, кто вызывал столь сильное внимание к своей персоне, нежели учителя, и лишь немногие решались добиться его расположения, что еще больше сердило завистливых недоброжелателей этого ученика.

Глава 3. По щучьему велению

Еще со школы Лидии и Брагусу так полюбилась одна старая сказка, рассказанная им на одном из занятий, когда они еще были маленькими и учились сами, что при выборе имени своему сыну они не сомневались ни на минуту. Мальчика, родившегося у них через несколько лет после того, как герои Этриуса отправились за Землю, назвали Емельяном в честь главного героя сказки, которому посчастливилось выловить из проруби волшебную щуку и благодаря ее помощи заслужить уважение царя и любовь царевны. Брагус и Лидия очень хотели, чтобы их сын ни в чем не нуждался, и все у него получалось, словно по щучьему велению, но жизнь не сказка. Хотя и в ней Емеля тоже поначалу был лентяем и целыми днями лежал на печи, о чем возлагающие на своего ребенка большие надежды родители врятели подумали. Однако бездельничать, как герою из старой сказки, сыну Лидии и Брагуса не приходилось, так как к его персоне было приковано внимание всей школы.

Принц Емельян не был скромн или заносчив, не отличался ни умом, ни силой, от других учеников, но каждый из них знал, что он сын Лидии и Брагуса, что на шее этого особенного мальчика красуется золотой медальон, который отличал его от остальных. Первое время Емельян очень гордился тем, что только у него есть такое бесценное украшение, приковывающее к себе взгляды, но излишнее хвастовство быстро угасло в нем с такой же силой, с какой разгоралась зависть в глазах его недоброжелателей. Он своевременно осознал, что позерство не доведет до добра, и он лишь оттолкнет от себя все свое окружение. С тех пор мальчик скрывал золотой медальон принца под одеждой, что не могли не заметить учителя и дети. Большинство из них оценили этот многозначительный жест со стороны Емели, понимая, что ему приходится нелегко с такой бесценной ношей, и он хочет, чтоб его воспринимали не как наследника престола Ларгиндии, а как обычного ребенка. Никто не сомневался в том, что, скорее всего, повел бы себя на его месте иначе. Емеля дал понять окружающим, что стремится к взаимопониманию и дружбе, не помышляя о власти над ними и уж тем более не стремясь ставить себя выше других. Его поведение и намерения были непременно поняты, и мальчик в скором времени обзавелся верными друзьями. Не смотря на это, некоторые ученики еще глубже укоренились в своей зависти, взращивая на ней плоды ненависти и лелея досыта накормить ими Емелю. Долго пришлось маленькому принцу терпеть косые взгляды недоброжелателей и слышать за спиной всякий вздор о себе, но он старался не обращать внимания на недостойные выходки, тем самым доказывая, что он выше их на голову, и в его жилах течет королевская кровь. Когда многие из завистников отравились теми самыми плодами ненависти, которые готовили для Емели, ему стало гораздо легче дышать, и он ощутил свободу. Казалось, что все неприятности позади, и он намеревался наслаждаться жизнью, вовсе забыв о них.

Все шло хорошо. Принц большую часть свободного времени проводил со своей подружкой, которая была одной из самых красивых девочек в школе, и ему однажды пришлось даже отстаивать право дружить с ней кулаками.

Случилось это так. В тот самый день, когда Емеля пришел на занятия, как казалось бы, без своего золотого медальона, учитель первым делом поинтересовался, что произошло и куда могла деваться его бесценная семейная регалия. Мальчик ответил, что просто оставил ее дома, хотя она находилась на его шее под одеждой. Просто ему уже настолько надоели разговоры об этом медальоне, что он порой хотел отдать его первому встречному, чтобы от него все отстали раз и навсегда с этим извечным предметом обсуждения. Не позволяла ему совершить такой глупый поступок любовь к родителям, которые отвечали ему тем же, а медальон принца являлся в некотором роде пьедесталом, на который его вознесли Лидия и Брагус над остальными детьми. Емеля просто не смел предать их стремления и желание сделать его самым счастливым ребенком в Ларгиндии. Они надеялись, что дорогое именно украшение, словно

корона, не только будет указывать на происхождение его обладателя, но и, словно ключ, будет открывать все двери на его пути. Вместо волшебной шуки Лидия и Брагус придумали для своего сына замену ей, но они не могли знать, что медальон способен стать для Емели проклятием. Однако мальчик не собирался отчаиваться и расставаться с подарком родителей, прекрасно понимая, что они желают ему только добра. Тоже самое не составило труда понять и одной девочке, учившейся вместе с Емелей в школе. Ее звали Мириам. Она была эльбийкой, но девочка раскрыла секрет принца, не только потому что способна читать мысли, как и все эльбы, а потому что для нее было очевидным его поведение. Мальчик, любящий своих родителей и прежде гордившийся их подарком, не мог забыть его дома только потому, что в школе на него кто-то смотрит криво. Эльбы никогда не используют чудесные способности, подаренные им самой природой, себе в угоду и уж тем более во вред кому-либо, но для того, чтобы удостовериться в своей догадке, она не преминула ими воспользоваться. Прочитав мысли Емели, Мириам убедилась в том, что он скрыл медальон под одеждой, чтобы уйти от осуждения и сплетен. Наверняка, принцу тоже не удалось утаить правду от всех остальных детей, рожденных эльбами и учившихся вместе с ним, но они ни за что не выдали бы его, ведь он не помышлял ни о чем плохом, а лишь хотел избавиться себя от завистников.

После первого же урока Мириам подошла к Емеле и заговорила с ним. Она предложила ему дружбу, и он охотно согласился. Толком поговорить им не позволил один из учеников, неоднократно цеплявшийся к принцу. Он спровоцировал ссору, ссылаясь на то, что сын Лидии и Брагуса «ничего не весит без своего медальона». Емеля не выдержал такого оскорбления от того, кто не раз испытывал его терпение, к тому же он так обрадовался тому, что Мириам сама обратилась к нему, а подлый завистник решил испортить такой приятный момент в его жизни. Емеля со всей силы ударил навязчивого недоброжелателя, и между ними завязалась драка. Неизвестно чем бы она закончилась, если бы детей не разняли учителя, подоспевшие на шум и возгласы из толпы, обступившей Емелю и его противника. Все-таки взрослые довольно-таки опоздали и, растащив драчунов, огорчились, увидев на их лицах ссадины и синяки. В итоге, принц попросил не наказывать своего завистника, а Мириам незамедлительно одарила его победоносным поцелуем в щеку, так что проигравшим в этой незавершенной схватке можно было считать ее зачинщика, который еще больше возненавидел Емелю.

После этой драки сын Лидии и Брагуса заслужил новые симпатии от учеников и укрепил свое положение в коллективе. Его перестали считать самодовольным неженкой и хвастуном. Дети стали тянуться к нему, и он снова оказался в центре внимания всей школы, только реакция окружающих на этот раз произвела обратный эффект. Мальчика стали уважать таким, какой он есть, а не только за то, что он сын Лидии и Брагуса. По щучьему велению, по хотению родителей Емели, сказка воплотилась в реальность, и принца окружила всеобщая любовь, о чем они и мечтали. Однако ущемленная гордость завистника и возвращаемая день за днем злоба в его сердце не позволяли этой сказке закончиться так скоро.

Глава 4. Еще один ученик

Варлок родился в заснеженном городе краглов на севере Этриуса. Еще в младенчестве он был любознательным и непоседливым, спешил заявить о себе. Однако своего отца он не знал, так как тот умер до его рождения. Как стало известно из рассказов матери, дедушка Варлока был смелым орком и погиб на войне с ларгами. Потом, когда на Кругар напало полчище скелетов, бабушка мальчика была вынуждена бежать вместе с остальными орками на север, где у нее и родился сын, отец Варлока. После того как на Этриусе вновь воцарился мир, старая орчиха решила остаться в заснеженном городе под горой, так как очень сроднилась с суровым морозным климатом, который в то время тоже преобладал в ее сердце после всех пережитых ею испытаний. Мать Варлока эльбийка Эритэ старалась избегать разговоров о его смелом дедушке, который погиб на войне, хотя мальчик часто задавался этим вопросом. Она говорила ему, что ей мало что известно о родителях его отца Варкрита, и поспешно переводила разговор в другое русло. Эритэ с радостью рассказывала Варлоку о своих корнях, про Зеленый город и о том, как за ней ухаживал Варкрит, когда они познакомились в мирное время там же. Отец мальчика часто приходил собирать грибы в леса эльбов со своими друзьями, где и познакомился с Эритэ. Спустя несколько лет они стали жить в его доме на севере и у них родился Варлок, но обезумевший вождь краглов Горгонза приказал всем воинам взяться за оружие и повел свои войска на болота в деревню тритонов, где укрывался злобный колдун Куззола. Узнавший об этом известии Варкрит с особым энтузиазмом воспринял это известие, так как у него имелись свои счеты с коварным врагом. Назад он уже не вернулся, вероятно, оставшись мирно покоиться где-то на болотах, так как остатки армии Горгонзы вернулись домой, потерпев кровопролитное поражение, и о сражении с колдуном помалкивали, не желая рассказывать о пережитом ужасе, на который обрек их безумец Горгонза. Варлоку настолько все было интересно, что он хотел знать каждую мелочь, о чем не имела возможности поведать ему мать, поэтому он решительно отправился в Рединфорт, чтобы учиться в школе. Мальчику не терпелось узнать об истории Этриуса из уст Лиэля и расспросить его о войне с ларгами, на которой погиб его дед, и о колдуне, который погубил его отца. Естественно, без разрешения матери ему не представилась такая возможность, но Эритэ без раздумий написала для него рекомендационное письмо, в котором в первую очередь отметила, что она дает согласие на то, чтобы ее сын обучался в школе Рединфорта и жил при ней в домике для гостей. Мать Варлока хотела, чтобы он занимался полезным и достойным делом, которое будет ему по душе, а для этого ему следовало многому научиться. Как ни было ей тяжело прощаться с сыном, но, роняя слезы, она отправила его в столицу Ларгиндии, когда он созрел для учебы в школе.

Лидия и Брагус прочитали письмо от Эритэ и без разговоров определили для Варлока одну из комнат в гостевом доме при школе, и на следующий день он уже присутствовал на занятиях, которые проводили учителя для новичков школы. Мальчику не терпелось поговорить с Лиэлем, но он обучал старшие группы, поэтому подходящей возможности привлечь к себе его внимание у него не было. Однако, когда в следующем году старый эльб стал преподавать у Варлока искусство боя и философию, мальчик решил поговорить с ним во что бы то ни стало.

– Учитель, у меня есть к вам несколько вопросов, не имеющих отношения к изучаемым мной у вас дисциплинам, – обратился он к Лиэлю, когда вышел победителем с ринга, где одолел в обучающем поединке своего противника деревянным мечом. Старый эльб разрешил детям сделать небольшой перерыв на отдых, после которого они продолжают занятия, и устало сел на скамью у стены. Момент для душевного разговора был вполне удачный, тем более учитель несколько минут назад похвалил мальчика за грамотные выпады и защиту.

– А, Варлок, – обрадовался Лиэль, – Присаживайся рядом. Спрашивай, любая беседа может нести философский оттенок или же перерасти в словесный поединок, а именно этим дисциплинам я вас учу.

– Нет, вы учите нас быть готовыми сражаться с врагами, – ответил мальчик, опускаясь рядом с ним на скамью.

– Нет, я учу вас быть способными защитить попавшего в беду. Не обязательно представлять врага, как такового. Им может оказаться обычный дикий зверь, с которым словесный поединок окажется бесполезным. У нас нет врагов, Варлок.

– Но раньше они были! Если снова появятся, будет война?

– Этого не случится, мой друг. Для этого я вас учу философии, большинство течений которой сводятся к тому, что лучшая война – это война, которой не было.

– Да, учитель, но ведь колдун Куззола тоже знал об этом. Почему же он искал бесчестные пути для достижения своих целей?

– Прости, Варлок, – удивился Лиэль, и его брови взлетели, слившись с глубокой морщиной на лбу. Он обеспокоенно посмотрел на своего юного собеседника, – Колдун с рождения страдал и вел замкнутый образ жизни. Он был изгоем и не слушал своих учителей. Сейчас на Этриусе все друзья и история с Куззоллой никогда не повторится. Думай о хорошем.

– Да, знаю. Мне хотелось бы узнать, учитель, из-за чего ларги начали воевать с орками, а Горгонза напал на Куззолу в мирное время? – согласно кивнул Варлок.

– Об этом тебе лучше расскажет учитель истории, мой друг. Я же склонен считать, что все войны возникают по вине глупых и бескомпромиссных правителей, которые приказывают рабочим ковать оружие и убивать вместо того, чтобы сажать новые деревья и ценить жизнь каждого.

– Нет, учитель. Вы же знаете правду, – огорченно воскликнул Варлок и поднялся со скамьи, – Вы участвовали в войне, убивали орков и с телохранителем Горгонзы дрались именно вы. Вы же вождь эльбов!

– Это так, сынок. Присядь лучше, – взял его за руку Лиэль и осторожно потянул к себе. Мальчик сел, и эльб тяжело вздохнул, прежде чем продолжить говорить, – Когда глупец берет в руки палку и намеревается отобрать у тебя то, чем ты дорожишь больше всего и словами бороться бессмысленно, ты тоже невольно возьмешь палку. Смутное безграмотное время прошло, мой друг. Мы сделали все, чтобы вы не познали того ужаса, который довелось пережить нам. Сейчас мы, учителя, стараемся донести мудрость до каждого на Этриусе и, к всеобщей радости, нас слушают, чего не было раньше.

– А почему колдун стал изгоем, ведь его отец создал нашу планету?

– Он не желал слушать смертных, зная, что он сын бога, а когда перешел все допустимые границы, пренебрегая их добротой и доверием к нему, получил обратную реакцию от моего отца. Говоря философски, Каэджадар невольно взял палку и пригрозил ему. После он попытался стать другом других правителей, но как прежде предавал их, не ценя проявленную к нему доброту и доверие. Не найдя понимания со смертными, он даже не стал слушать своего отца, так что не повторяй его судьбу, – Лиэль устало покачал головой и отечески похлопал мальчика по плечу, – То были смутные времена, мой друг. Все позади.

– Не повторять его судьбу? – нахмурился Варлок, поднимаясь со скамьи.

– Прости, сынок, старик совсем заговорился, – усмехнулся Лиэль, – Годы дают о себе знать, ведь мы с твоим, кхм, Куззоллой были почти ровесниками. Представляешь, сколько мне лет уже? Лучше иди к друзьям, я скоро подойду к вам.

– Спасибо, что поделились со мной историей, но у меня еще много вопросов, учитель, – радостно воскликнул мальчик, – Потом поговорим еще?

– Конечно, – кивнул Лиэль.

Они еще не раз разговаривали с глазу на глаз, но об истории старый эльб уже не желал вспоминать, так как после воспоминаний о своей долгой жизни он подолгу грустит, а ему очень не хотелось бы, чтобы ученики видели его в плохом настроении. Варлок с пониманием придумывал другие темы для беседы с ним. Лиэль всегда признательно благодарил мальчика за проявленный интерес ко всему, что взбрело ему в голову. Как он говорил, настоящий философ способен найти занимательными размышления о чем угодно и получит от этого удовольствие.

Варлок же из уважения к учителю говорил с ним о всякой чепухе, лишь думая о том, чтобы снова вернуться к их первому разговору об истории.

Глава 5. Варлок

Любознательный мальчик из города краглов на севере Этриуса, неистово тянувшийся к знаниям и спешивший заявить о себе, был вынужден поумерить свой пыл, столкнувшись с тайнами прошлого, которые хранили взрослые, не желая посвящать в них его. Все, что хотелось узнать Варлоку, оставалось покрыто мраком, и для него не существовало иного выбора, как впустить в свое сознание именно его, словно из воска вылепливая им все, что заблагорассудится. Пытливый ум мальчика воссоздавал историю Этриуса из непроглядного мрака прошлого такой, какой бы ему хотелось, чтобы она была. Варлок с каждым днем все глубже и глубже утонул в своих фантазиях, что в определенный момент он мог бы так и остаться витать в них, если бы окружавшие мальчика учителя и дети не возвращали его к реальности. У него не было друзей, и большую часть свободного от занятий в школе времени он находился на собственном попечении. Слоняясь по городу без дела и мечтая стать отважным воином, как его отец и дедушка, погибшие в кровопролитных сражениях против врагов, Варлоку все-таки хотелось с кем-нибудь пообщаться, но учителя не хотели говорить о том, что его интересовало, а дети ничего не знали об этом.

Однажды он случайным образом услышал разговор двух молодых орков, которые отдыхали во время перерыва в работе, сидя на старом верстаке около столярной мастерской на окраине торговой площади Рединфорта. Они говорили о войне, и Варлок не посмел пройти мимо, бесцеремонно остановившись перед ними.

– А помнишь, Храбыр, как было страшно, когда на Воранга и Морру ринулась эта зловещая виверна той бессонной ночью, когда шла битва у стен города? – говорил один из них, почти не обращая внимания на глупого мальчишку, наострившего уши так, будто с вопросом обратились к нему.

– Да-да, но одно дело убить кровожадное чудовище, защищая себя и свою королеву от ее зубов, а другое – признаваться в любви девчонке! В прошлый раз я выглядел довольно глупо, чувствуя, как кровь приливает к голове, а тело немеет. Она ждала от меня нежных слов, а я пробурчал какую-то несурезицу и попытался заключить ее в свои объятия, – ответил ему другой орк и резко перевел взгляд на надоедливого Варлока, подслушивавшего их разговор и не скрывавшего этого.

– Под смуглой кожей не видно крови, так что красней, сколько вздумается, – успокоил его Храбыр, – Вот только всегда помни, Добыр, что в любовных делах спешка не нужна. Девчонка не виверна – гоняться за тобой не будет!

– Согласен, вот только я хочу оставаться самим собой, а не охотиться на нее, выжидая и заманивая в сети. Зачем ждать, если все равно достанется мне? – удивленно поинтересовался у друга Храбыр, однако мальчишка ему уже порядком надоел, – Тебе чего?

Он хмуро посмотрел на Варлока, и у того пробежали мурашки по спине.

– Остынь, – с усмешкой толкнул его плечом Добыр, – А то ты так не только всех девчонок распугаешь в Рединфорте! Малец просто тоже хочет разобраться что к чему в любовных делах.

– Это так, сорванец? Ты тоже влюблен в какую-нибудь красотку? – сменившись во взгляде, спросил Варлока Храбыр.

– Нет. Я хотел бы узнать о войне, – пожал плечами мальчик, оставаясь на прежнем месте. К его удивлению орки изумленно переглянулись и засмеялись.

– Забудь ты это слово, сорванец! Тебе нравится какая-нибудь девчонка из школы? – не унимался Храбыр.

– Нет-нет, расскажите мне о войне, в которой вы участвовали, если вас не затруднит. Для меня это очень важно, ведь я отправился учиться в столицу Ларгиндии только для того, чтобы

приобрести знания, изучить историю Этриуса и найти себя, – не согласился с ним Варлок, покачав головой.

– Мой друг прав. Незачем тебе забивать свою голову всякой чепухой раньше времени. Вам расскажут в школе об истории Этриуса годика так через два, когда вы найдете себя и приобретете нужные знания, – вмешался Добыр, – Что тебе еще интересно кроме девчонок?

– Они мне не интересны! – нахмурился Варлок, – Вы же были на войне, расскажите о ней, сложно, что ли?

– А зря, – задумчиво произнес Добыр и увлеченно отвел от него взгляд, наблюдая за молоденькой девушкой, которая прошла мимо них, провела по голове мальчика рукой, словно гребнем, и мимо улыбнулась оркам, – Будь я на твоём месте, этим же вечером её волосы струились бы сквозь мои пальцы!

– Так в чём же дело? Проводи её, помоги донести покупки! – с усмешкой толкнул его плечом Храбыр.

– Легко, я мигом. И про подружку спрошу! – засмеялся Добыр и убежал вслед за девушкой.

– Видишь, сорванец, чем нужно заниматься? Ищи себя, приобретай знания и не забивай свою голову всякой чепухой, – продолжил беседу с Варлоком оставшийся орк, – Так что тебе интересно ещё? Может, столярное дело?

– Я ищу себя и уверен, что мне следует знать историю Этриуса и все о войнах, которые бушевали на нём, – сказал мальчик, – Ведь вы были на войне, расскажите.

– Какой же ты настырный! Вбил себе в голову какую-то глупость и думаешь, что тебе нужно именно это, а советов окружающих не слушаешь. Война ужасна, и одно это слово уже способно вселить ужас в сердца тех, кто познал её, – тяжело вздохнул Добыр и жестом предложил Варлоку сесть рядом с ним на верстак на место второго орка, – Так уж и быть я расскажу тебе о войне, но мы с Храбыром не застали тех ужасных времен, о которых знаем лишь из рассказов наших отцов, Воранга и Морры, лучших друзей Лидии и Брагуса, нашего короля и королевы!

– Ваши отцы друзья королевы Ларгиндии? – воскликнул Варлок с недоверием, надеясь, что прохожие услышат его и поддержат в том, чтобы поднять на смех этого хвастуна и обманщика, – И вы сидите тут на верстаке?

– А что в этом такого, мой друг? – возмутился Добыр, – Сядь же рядом и я расскажу тебе обо всем по порядку. У меня не так много времени, конечно, но я думаю, успею, пока мой учитель не позвал меня.

Варлок засомневался, что ему следует слушать этого пройдоху, но жажда знаний взяла свое. Он запрыгнул на верстак и уселся рядом с орком.

Как выяснилось, его новые знакомые Храбыр и Добыр прибыли в Рединфорт из Кругара, так же как он, чтобы обучаться в школе. Они закончили её совсем недавно, но решили остаться в Ларгиндии, так как у них появились в её столице друзья и любимая работа. Родители Храбыра и Добыра часто бывали в Рединфорте, так как ни один пир и совет в королевском дворце не обходился без их присутствия. Дети Воранга и Морры тоже не раз бывали там и лично знали Лидию и Брагуса, которых любили всей душой. Учеба в школе тоже запомнилась оркам счастливым временем, ведь их учителями были Лиэль и знаменитый Творец, который покинул Рединфорт немногим позже.

Добыр много всего интересного рассказал Варлоку, но о войне они почти так и не поговорили. Мальчику стало лишь известно, что дети Воранга и Морры родились в Кругаре лет через десять после последнего сражения с войсками колдуна Куззолы у стен Рединфорта. Добыр предложил мальчику приходить к ним на торговую площадь каждый раз, когда ему будет скучно, и они с Храбыром обязательно найдут, чем развлечь его. Варлок не сразу купился на его добродушное предложение, но когда орк пообещал ему рассказать о войне что-нибудь

еще, тот обрадовался и даже попросился помогать ему и его другу в их работе. Мальчик и ученик столяра изрядно устали от общения друг с другом, поэтому, когда вернулся довольный Храбыр, Варлок распрощался с орками и убежал прочь. Вот только долго он не заставил себя ждать, и уже на следующий день его новые знакомые были вынуждены развлекать его беседой во время перерыва в работе. Молодые орки оказались такими же добрыми, как и все остальные на Этриусе, и, не смотря на то, что он нагло навязался им на шею, через несколько дней после знакомства и встреч с Варлоком стали с ним еще приветливее и общались охотно без тени обмана.

Глава 6. Поиск себя

Вскоре ученик школы Рединфорта так сильно проникся идеологией Храбыра и Добыра, что при любой возможности спешил провести свое время с ними, тем более его новые друзья тоже мечтали стать героями Этриуса, как он. Вот только одного не мог понять Варлок: почему орки сидят в городе и не идут странствовать по миру в поисках приключений, в поисках себя? Он удивлялся тому, что молодые и сильные смельчаки, способные держать в руках как столярные инструменты, так и боевое оружие, теряют свои годы, дожидаясь, когда им представится подходящий случай проявить себя. Бесспорно, Храбыр и Добыр были увлечены романтическими отношениями с девушками, но для Варлока оставалось загадкой, что мешало им совершить несколько героических подвигов и вернуться к своим возлюбленным, став такими же знаменитыми, как их отцы, Воранг и Морра. Ведь пройдут молодые годы и орки быстро состарятся, уж тем более им будет не до приключений, когда они обвенчаются со своими избранницами, обзаведутся детьми, и они откроют свое собственное дело в Рединфорте, почувствовав себя мастерами в тех ремеслах, которым обучались в настоящее время. Вторая зацепка, объясняющая Варлоку поведение орков и заставляющая Храбыра с Добыром не покидать столицу Ларгиндии, конечно же, имела не меньший вес, чем первая, но ни работа, ни любовные отношения, по мнению ученика школы, нельзя было сопоставить возможности прославиться на весь Этриус!

Так минул год, а Варлок по-прежнему маялся со своими необъяснимыми для его понимания вопросами. Он спрашивал учителей и своих друзей с рынка о смысле жизни, об истории Этриуса и о многих других вопросах, беспокоивших его пылкий ум, но ни на один из них он не получал внятного ответа. Все лишь отшучивались и просили мальчика подождать, когда он сам найдет ответ на все интересующие его вопросы. Ему говорили, что все необходимые для него знания он получает в избытке и нужно лишь запастись терпением, чтобы дожидаться, когда придет очередь узнать что-либо еще. Как шутил Храбыр: «Голова похожа на улей: если все процессы в нем происходят размеренно, то он растет и жужжит, словно журчит вода в ручье, а когда обезумевшие пчелы рвутся собирать нектара больше, чем требуется, то трутни просто не будут успевать кушать мед. Он начнет гнить. Это никому не понравится. Все будут сердиться, работать в такой атмосфере никому не захочется. Трутни с набитыми брюхами будут лежать на боку, а пчелам все труднее будет найти место в сотах для того, чтобы наполнить его свежим сладким нектаром. Этот улей погудит-погудит и королева покинет его в сопровождении самых мудрых пчел, если получится». Варлок представил такую печальную картину, но не очень понял, как это взаимосвязано с жизнью Рединфорта, героизмом и поиском себя.

Мальчик поначалу проявлял рвение в том, чтобы научиться столярному и часовому делу, которым обучались Храбыр и Добыр, но ему совсем не хотелось до старости просидеть в унылой мастерской, делая всякое никому не нужное барахло для горожан. Его старшие друзья, как могли, прививали Варлоку любовь к любой работе и объясняли, что любое доброе дело всегда найдет свой укромный уголок в чьем-нибудь сердце. Он не желал слушать этого, не веря, что какие-то дурацкие часы или стул могут принести славу и всеобщее признание тому, кто тратит на их изготовление по нескольку дней, а то и больше. Друзья уверяли его, что все обстоит именно так – «лучше синица в руке, чем журавль в небе». Этриус не так велик, и если где-то случится что-то тревожное, то вскоре об этом узнают на самых дальних рубежах. Никто не останется в стороне, особенно Храбыр и Добыр. Пока никакая беда не нарушила мир и благоденствие на маленькой цветущей планете Сатира, можно преспокойно заниматься каким-нибудь добрым делом, о чем молодые орки напоминали Варлоку каждый раз, когда он порывался отправиться спасать Этриус вместе с ними. Как и предполагалось, их увещевания порядком надоели мальчику. Он стал реже навещать своих друзей, предпочитая больше читать

книги в библиотеке школы, однако даже такой поиск новых знаний мало его радовал. Как ему казалось, он не узнавал ничего полезного для себя, и его все больше начинало раздражать навязывание со стороны окружающих необходимости проявлять терпение, доброту и любовь к каждому. А где же подвиги и слава?

Окончательной точкой кипения для пытливого ума Варлока послужило появление в школе сына Лидии и Брагуса. Он был ему одноклассником, а первый год обучения пропустил, потому что его готовили к тому, чтобы управлять королевством. Учитывая, что Лиэль был Емеле дедушкой, а Лидия мамой, то они первоначально занимались с принцем индивидуально, скорее всего, это было сделано для того, чтобы он не выглядел глупо перед остальными детьми. Хотя никто не сомневался, что Емеле рассказывали об Этриусе гораздо больше, чем всем остальным. Можно было не сомневаться, что ему преподавали всю школьную программу на несколько занятий вперед, нежели всем остальным ученикам. Варлока сердила такая несправедливость, в которой он твердо уверился, не желая допускать, что возможно его убеждения ошибочны.

Помимо всего прочего, самодовольный принц постоянно таскал на своей шее увесистый золотой медальон, который ему подарили родители прежде, чем он появился в школе Рединфорта. Видите ли, принц Емельян должен выделяться из общей серой массы! Варлока раздражало то, что наследник престола Ларгиндии не обладал никакими выдающимися способностями, однако его будущее уже было предопределено, и многие начали смотреть на него с восхищением, только увидев его, будто он втайне от Варлока совершил героический подвиг и уже заслужил право надеть корону короля.

Где же тут правда жизни, когда одному дается все для счастья, а он для этого не ударил и пальцем о палец, а другого все призывают набраться терпения и ждать, когда он сам поймет, в чем заключается его призвание? Несправедливо. Варлок сразу невзлюбил принца Емельяна, и ему очень хотелось высмеять или унижить его, чтобы все остальные поняли, что после смерти Лидии и Брагуса их место займет бездарь, которому незаслуженно досталось счастье, в то время как более достойные кандидаты на право престола остаются в тени. Этот самодовольный Емеля даже не пытался никому доказать, что он хоть в чем-то превосходит других! Его гордое спокойствие и вальяжность озлобляли Варлока, которой с трудом сдерживал себя, чтобы не подойти к нему и не разбить ему лицо. Он долго лелеял свою мечту, поджидая удобного случая проучить самодовольного принца, но когда ему представился шанс доказать свое физическое превосходство над ним, все почему-то пошло не так как планировалось Варлоком. Емеля не побоялся и первым ударил недовольного его поведением и статусом мальчика, а когда между ними завязалась драка, не сдавался, намереваясь подмять его под себя. Известно кому из детей повезло больше, когда учителя разняли их, ведь Варлок недооценил силу и упорство вальяжного принца, казавшегося ему прежде сонным ленивым котом, которого когда надо вычешут, а когда надо накормят.

Ввязавшись в довольно-таки неравное противостояние за право на трон Ларгиндии и стремление подавить мятежного принца Емельяна, Варлок начал забывать то, для чего он пришел учиться в Рединфорт. Теперь казавшаяся ранее недостижимой мечтой встреча и беседа с Лиэлем, ненадолго впечатлила мальчика с севера, а советы и поучения старших друзей воспринимались им за глупый вздор. Варлок больше не хотел искать смысл жизни и свое призвание в ней, увидев, насколько она бывает несправедливой к тем, кто так упорно хочет добиться чего-то большего нежели, неистовое строгание досок в поте лица у всех прохожих на виду или кропотливый ремонт часовых механизмов при тусклом свете свечи в унылой мастерской. Кому все это нужно и для чего? Кому все это нужно, если, последовав совету друзей, Варлок решил подружиться с понравившейся ему девочкой из школы, но она его просто не замечала, а ко всему прочему еще и сама начала бегать за принцем Емельяном. Для чего стараться заслужить любовь горожан, работая за скромные монетки на торговой площади, особенно если вся слава

и счастье в одночасье достается тому, кто просто родился в королевской семье? Нет, Варлок больше не будет пытаться искать себя как героя Этриуса, все равно, оставаясь в тени другого. Он пойдет другой дорогой, больше никому не веря, ведь его простодушие и любознательность постоянно натывались на хитрость и изворотливость окружающих. От него скрывают все, что изначально было интересным, забывая голову всякой ерундой, а все его добрые стремления губят несправедливым укладом жизни, призывая сохранять терпение и наблюдать за тем, как ничем не примечательный из себя мальчишка, который ничем не лучше его, узнает все секреты Этриуса из первых уст, носит золотой медальон наследника трона короля Ларгиндии и незаслуженно греется в лучах славы! Такая правда жизни Варлоку оказалась не по душе, поэтому он разглядел для себя врага в лице Емели и решил, во что бы то ни стало, испортить ему его счастливую жизнь.

Глава 7. Обманщик

Ученый и его ученик, отправившиеся на сказочные острова, расположенные посреди океана, столкнулись с рядом неприятных и тревожных событий, которые им удалось стойко преодолеть, хотя в обратный путь они были вынуждены отправиться на одном из кораблей в сопровождении загадочного незнакомца. Впрочем, обо всем по порядку.

Когда наши отважные путешественники уже завидели в подозрную трубу на горизонте широкую полосу суши, а до нее оставалось еще довольно почтительное расстояние, ученый все-таки обнадежил своего ученика тем, что, вероятнее всего, нежеланного купания в океане не произойдет. Юноша засомневался в правдивости его заявления, так как у них практически опустели корзины с горючим, а балласт был сброшен еще на полпути, когда они немного ошиблись с циклоном. Привыкший аргументировано отстаивать свою точку зрения мудрый старик начал ему поспешно объяснять, апеллируя какими-то расчетами и показаниями навигационных приборов. Юноша понял, что лучше довериться своему наставнику и не отвлекать его в такой ответственный момент глупыми расспросами, ведь с минуты на минуту воздух в воздушном шаре начнет остывать, и они устремятся к воде. После чего ученый потребовал от своего ученика сохранять спокойствие и не мешать ему, наслаждаясь прекрасными пейзажами, которые, по словам старика, теперь путешественникам доведется увидеть только, когда они вернутся в Ларгиндию и для них изготовят новый аэростат. После чего ученик согласно кивнул, прижался спиной к борту и крепко ухватился руками за крепежные канаты. Он с опаской попеременно наблюдал за тем, как глубоко внизу под корзиной темной синевой расстилается океан, а старый ученый суетливо подбрасывает остатки соломы и шерсти в жаровню и смотрит на показания приборов. Юноша перестал сомневаться в уверенности своего наставника, когда тот смял плетенные из бересты корзины и тоже сжег их, однако стало немного страшновато, когда вслед за ними в ход пошли холсты из парусины, предназначавшиеся для ремонта, которые ученый небрежно разрезал на лоскуты ножом и подбрасывал в огонь. Несмотря на такое расточительство со стороны старика, еще оставалось приличное расстояние до берега, а высоту им терять было нежелательно, так как набрать ее они уже не смогли бы. Ученый хитро улыбнулся и подмигнул ученику. На этот раз с особой бережливостью и осторожностью он принялся отламывать верхнюю круговую рейку от корзины. Она оказалась довольно-таки прочной и шириной с ладонь, поэтому он призвал юношу помочь ему. Пришлось повозиться, но вдвоем они справились. К счастью, крепежные веревки, удерживающие шар были пропущены по дну корзины и переплетались с рейками по всему периметру, поэтому несколько рядов от нее были отделены без излишних опасений и преданы огню. Дальнейшие действия происходили для молодого ученика несколько смутно, так как высота корзины значительно уменьшилась, она стала раскачиваться в воздухе сильнее, а привычный морозный ветер, неистово бивший в лица путешественникам, с новой силой напомнил о себе. Он коварно пытался вывезти из равновесия юношу и старика, толкая с разных сторон и стараясь вытолкнуть из корзины. Ученый держался самоотверженно и стойко к удивлению своего ученика, ухватившись одной рукой за канаты, другой подбрасывая в огонь поломанные на куски рейки, а одной ногой удерживая жаровню на месте. Как он умудрялся держаться на ногах, юноша не понимал, ведь ему самому теперь приходилось не сладко. В глазах помутилось, он задыхался, словно ему не хватало воздуха, обеими руками обхватив крепежные канаты, испуганно стараясь не отрывать ног от пола. Его стошнило, возможно, не один раз, пока они снижались над океаном в бешеной тряске. Он уже упустил из памяти, в какой момент потерял сознание, и что произошло дальше, но свое пробуждение запомнил отчетливо.

– Доброго здравия, – приветливо произнес старик, склонившись над юношей, когда тот приоткрыл глаза. У него сильно болела голова, он испытывал слабость во всем теле и тошноту.

Самостоятельно приподнявшись, он осмотрел себя и ощупал. Наблюдалось множество ссадин, все кости оказались целы.

– Вот. Попей, – старик протянул ему расколотый кокос, наполненный молоком, источающим приятный сладковатый аромат. Юноша жадно взял орех и признательно кивнул в ответ. Утоляя жажду, он пробежал глазами по сторонам и понял, что наступил вечер, что он лежит у костра на берегу океана, а неподалеку с противоположной от него стороны расположены джунгли. Не укрылся от взора юноши и воздушный шар, повисший мешком на передних извилистых и ветвистых деревьях.

– Что будем делать? – поинтересовался ученик у старика, намереваясь подняться на ноги, размять кости и вздохнуть полной грудью.

– Где-то к востоку от нас должно быть небольшое поселение островитян, – ответил ему старик, тоже осматриваясь вокруг и почесывая морщинистый лоб, – Кораблей там, конечно же, нет, но будем надеяться, что они не откажутся помочь нам и доставят нас в порт на лодке, откуда мы вернемся домой.

Так и случилось. Они передохнули, собрали все свои вещи и отправились на поиски поселения, которое ученый завидел, еще будучи в небе, в подозрную трубу. Жители небольшой деревни на берегу океана, находившейся в верно выбранном ученым направлении, добродушно встретили гостей с материка и охотно переправили их тем же вечером на лодке в портовый городок на более крупном острове, где путешественники вновь столкнулись с неприятностями. Как выяснилось, в ближайшее время в Яроводье не отправлялось ни одного корабля. Единственным, на что могли рассчитывать ученый и его ученик, было рыбацье суденышко, которое на днях собиралось отплыть в город тритонов на болотах, да и то, оно принадлежало гоблинам, а, как известно, они не особенно-то доброжелательны с теми, кто на них не похож внешне. Ничего не оставалось, как попытаться счастье и переговорить с капитаном.

Ученый без труда нашел в порту рыбацье судно гоблинов и решительно взошел по трапу на палубу, но ему дорогу преградил один из матросов.

– Пошли прочь, бледная погань, – свирепо закричал он и набросился на старика с кулаками. Несмотря на то, что он был гораздо ниже его ростом, но мышечной массой превосходил обоих путешественников и то, что им следует послушать матроса, чтобы избежать побоев, оставалось бесспорным. Ученый поспешил ретироваться, попятившись спиной, чуть не столкнув в воду с трапа своего растерянного ученика.

– Могу ли я поговорить с вашим капитаном, милейший? – очутившись на нейтральной территории, беззлобно ответил старик и поднял руки в вверх, показывая всем своим видом, что он не вооружен и не желает ссориться, – Если вы доставите нас на материк, то я щедро расплачусь с вами. Я имею почетное положение при дворе короля Ларгиндии и думаю, мы найдем с вами взаимопонимание.

Матрос еще больше скривил гневную физиономию, и молча сплюнув на трап, поспешил удалиться.

– Разве вам не нужны деньги? – обреченно крикнул ему вдогонку ученый, теряя всякую надежду покинуть в ближайшие дни портовый городок.

– Потом не надо. Сейчас что есть у тебя? – неожиданно остановился матрос и резко развернулся. Взгляд его стал хитрым и надменным.

– Есть хорошая карта мира, приборы навигации, несколько золотых монет, нож и всякая безделица, – доверчиво сообщил ученый, пошарив по карманам.

– Так и быть. Оставляй залог, – торопливо подскочил к нему матрос и нагло выхватил у старика из рук компас и карту. После чего решительно толкнул его в грудь и пошел восвояси.

– Постойте! – растерянно воскликнул ученый, почувствовав себя обманутым, – Так мы договорились?

– О да! Завтра придешь, я подумаю, – не оборачиваясь, отозвался гоблин. В данной ситуации, можно было не ходить к гадалке, чтобы не заподозрить подвох.

– Так не пойдет! – возмутился старик и шагнул на трап, – Завтра вы мне скажете, что я вам ничего не давал или вы уже уйдете в плавание. Верните вещи!

– Тебе чего надо? Деньги надо или извоз? – гневно закричал матрос и снова вытолкнул его на сырой бревенчатый причал так, что старик поскользнулся, и его ученик с трудом удержал его, подсуетившись и успев подхватить его под руки.

Матрос пригрозил увесистым кулаком, попавшим в затруднительное положение путешественникам, и поспешил оставить их глубококом раздумье о том, где переночевать и чем расплачиваться за кров и пищу. Они с безмолвной досадой намеревались проводить растерянными взглядами обманувшего их гоблина, как вдруг к ним на помощь подоспел какой-то незнакомец, вышедший из портового трактира несколько минут назад и случайно ставший невольным свидетелем произошедшего. Он строго окрикнул обманщика, и тот, невольно вздрогнув, развернулся.

Глава 8. Защитник

Незнакомец из трактира оказался высокого роста, широк в плечах. Его лицо было сокрыто под капюшоном черного кожаного плаща, достающего полкой до земли, но оставляющего открытыми спереди темно-бардовые штаны, утопающие в высоких затертых сапогах, местами покрытых дорожной пылью. Правая рука его уверенно легла на рукоять меча, висевшего в ножнах на поясе, и он статно двинулся вперед навстречу чужим неприятностям.

– Тебе-то какое дело? – раздосадовано обратился к нему гоблин, убирая под брезентовую робу компас и карту ученого.

– Я подданный Ларгиндии, а это мой хороший знакомый, – ответил ему незнакомец и подошел к трапу, загородив собой растерянных путешественников.

– Ну, тогда другое дело! С ними поплывешь? – с интригой уточнил матрос.

– Видимо, да, – колко отозвался защитник старика и юноши.

– Давай залог, – шагнул к нему гоблин.

– Жадно пот чужой впитав, полученный как бы безвозмездно, ты узнай его состав, пока еще не поздно, – усмехнулся таинственный незнакомец, – Ну-ка позови Пиранью, голова твоя баранья!

– Хорошо-хорошо. Опять своей тарабарщиной заговорил, – хмуро пробурчал матрос и послушно направился в каюту капитана.

– Чужое добро вернуть не забудь, а то коротким будет путь, – не отпустил его незнакомец, и гоблин, гневно выругавшись, осторожно подошел к нему и отдал вещи ученого, после этого поспешил удалиться.

– Так-то лучше, – одобрительно сказал ему вслед защитник путешественников и впол-оборота протянул компас и карту старику, стоявшему позади него. Тот поблагодарил его и решил повременить с расспросами, хотя ему не терпелось убедиться в верности своих догадок кто же именно стоит перед ним.

– Кто тут еще меня беспокоит! – грозно выскочила из каюты молодая девушка. Она ни чем не отличалась от остальных гоблинов, разве только ее смело можно было назвать красивой. Пиранья была худощавой смуглой брюнеткой с выразительными глазками и аккуратным курносом носом, но ее характер и манеры определенно оставляли желать лучшего, – А это ты, острый язык! Чего тебе?

– Сладкий яд, отравляющий мое сердце, твой помощник теперь на меня сердится, – ответил ей незнакомец.

– Она женщина, – удивленно прошептал юноша, обратившись к ученому, на что тот согласно кивнул.

– Что он натворил на этот раз, прочищающий мои уши лучше ветра? – заинтригованно спросила тем временем незнакомца Пиранья.

– Крыса повадилась в амбар, но попала под удар, – пояснил незнакомец.

– Всегда им восхищался, – радостно прошептал ученый, вторя речи своего таинственного защитника, как будто уже не сомневаясь в том, что знает наверняка, кто стоит перед ним. Ученика в данный момент больше интересовало, что же ответит девушка, поэтому он жестом головы предложил своему учителю не отвлекаться от происходившего диалога между капитаном рыболовецкого судна и их красноречивым защитником.

– А ты как всегда появился в нужном месте в нужный момент, чтобы похвастаться своей добродетелью, сказочник моих снов? – выпалила Пиранья, чаруя игривым взглядом незнакомца, хотя не могла видеть его глаз под капюшоном плаща в темноте ночи.

– Отчасти, омут мечтателей. Для меня нет большей награды, чтобы в очередной раз спасти тебя. Когда твои люди грабят и добрым ларгам грубят, тебя это совсем не красит, даже порочит твое имя, но познавший твою страсть защищает его отныне.

– Перестань! Подумаешь, он обуеет пару заблудившихся поселенцев, ничего с ними не случится. Зачем они сюда уехали из Ларгиндии, ведь там никто не голодает? Уж на выпивку с них пару монет стясти – милое дело!

– В беду попасть может каждый, даже король! Жить наживы жаждой разве твоя роль?

– Брось, мой поплавочек, не мути воду! – засмеялась Пиранья, пожав плечами и сменившись в лице, которое до этой минуты было сердитым, – Ты уже вернул им вещи? Пусть ступают, о чем разговор?

– Почтенным ларгам нужно в Ларгиндию, здесь им не место, – деликатно ответил таинственный незнакомец.

– Так каким ветром их сюда занесло? Пусть ждут, когда в Яроводье пойдут корабли. Я-то тут причем? Мне ваша Ларгиндия нужна, как осьминогу еще одна шупальца! – возмущенно развела руками Пиранья, явно не желая вникать в проблемы путешественников.

– Ты не ошиблась, они упали с неба, – согласился незнакомец и ткнул локтем ученого. Скорее всего, он уже устал отдуваться в одиночку за него и его ученика.

– Да, мы прилетели сюда на воздушном шаре, но я немного просчитался, и мы потерпели крушение на соседнем островке. Нам помогли добраться сюда местные жители, – спохватился старик, – Если вас не затруднит, доставьте нас на материк, и мы за ценой не постоим. Я буду вам очень признателен.

– Сумасшедшие ларги, вечно выдумывают себе заботы! Что же им просто не плавается по воде, – озадаченно прокомментировала его речь Пиранья и снова обратилась к незнакомцу, – Ладно, пригляди до завтрашнего дня за этими недоумками, чтобы с ними ничего не случилось. Пусть приходят утром, я не обману, ступайте, – властно махнула рукой девушка.

– Глаз твоих глубину не осушить, не забыть трепет ресниц, но твое великодушие поистине не знает границ. В темноту ночи идущего будет оно пленить, – послал ей воздушный поцелуй защитник ларгов в плаще.

– Скройся уже в этой темноте, Стихоплет! – раздраженно воскликнула Пиранья и хлопнула дверью каюты за собой.

– Творец? – наконец-то, когда девушка ушла, подал голос скромничавший юноша. Однако тому, что он не выдержал и напомнил о себе, послужило прозвище, которое так небрежно прозвучало из сладострастных уст Пираньи.

– Он самый! – поддержал его ученый и испытующе взгляделся в темноту под капюшоном незнакомца, которая была еще более мрачной, чем темнота ночи.

– Как там без меня обстоят дела в Рединфорте? – поинтересовался у путешественников из столицы Ларгиндии незнакомец и учтиво скинул с головы капюшон, подтверждая догадки ученого и его ученика. Их взорам предстал мужчина с длинными вьющимися каштановыми волосами. Лицо его выглядело молодо, но нижнюю его часть покрывала густая черная щетина, а на лбу красовались густые морщины.

– Боги миловали, все по-прежнему, – заверил его старик.

– Тогда предлагаю отправиться со мной в это прекрасное, но беспокойное заведение и отметить такое радостное событие, как наша встреча, – ответил Творец и жестом пригласил ученого и его ученика идти вперед него к трактиру, из которого он собственно и вышел полчаса назад, чтобы избавить их от несомненно печальных последствий, так как такой предприимчивый обманщик и грабитель, как помощник капитана рыболовецкого судна, в портовом городке определенно был не последним. Неизвестно, какая участь ждала бы путешественников из Ларгиндии, если бы за них не вступился Творец, однако его появление не означало того, что теперь все беды будут обходить их стороной, а наоборот должно было послужить поводом,

чтобы они впредь вели себя осмотрительнее и делали более верные расчеты, особенно старый ученый. Несмотря на то, что на материке Этриуса долгие годы обстановка сохранялась спокойной и дружелюбной, то на островах по большей части всеми делами заправляли гоблины, и здесь еще не было власти и порядка как такового, каждый отвечал сам за себя.

Глава 9. Нападение

Однажды прекрасным солнечным днем Емеля возвращался после занятий в школе в королевский дворец Рединфорта, где он проживал вместе со своими родителями. По пути он успел проводить Мириам и поболтать с ней возле крылечка ее скромного домика совсем неподалеку от торговой площади города. Вот уже как пару недель он следовал одним и тем же маршрутом без каких-либо опасений и охраны, всегда пребывая в прекрасном настроении и развлекая приятной беседой свою миленькую подружку после занятий в школе, так же все обстояло и в этот раз.

В Рединфорте последние годы дни проходили размеренно, без беготни и суеты, но сегодня на Емелю обрушилось пренеприятное стечение обстоятельств, равного которому еще с ним не случалось. Мальчик услышал позади себя топот ног, заставивший его обернуться. Неожиданно он получил мощный удар в скулу, не успев сразу разглядеть своего обидчика, но когда чуть позже над ним наклонился тот, кто так жестоко поверг его на землю, Емеле вообще стало ничего не понятно. Злоумышленник, совершивший такое внезапное нападение на юного принца явно спланировал его заранее, так как на его лицо было повязано черным платком.

– За что? – неосознанно произнес Емеля, лежа на земле и потирая скулу, в то время как напавший на него мужчина, внимательно взгляделся ему в глаза, возвышаясь над ним. Мальчик ощутил во рту привкус крови, страх новой боли и головокружение, не позволившие ему подняться.

– А то не знаешь, баловень? Она любит другого, отстань от них! – ответил обидчик, пригрозив ему кулаком.

– Кто? – растерялся и испугался еще больше принц.

– Заткнись! Думаешь, можно брать все, что вздумается, если у тебя влиятельные родители. Она боится твоей мести, поэтому ходит за тобой по пятам. Прекрати свои игры, иначе получишь еще! – предупредил обидчик и в подтверждение своих слов ударил мальчика еще раз в лоб. Возможно, он перестарался, но глаза Емели сомкнулись. Мальчик потерял сознание.

Пришел в себя он уже дома на своей кровати, а рядом сидела заплаканная Лидия. Хмурый Брагус стоял в задумчивости чуть в стороне, скрестив руки на груди, и слушал наставления пожилого доктора в белом халате.

– Малыш, как ты, что произошло? – поинтересовалась у мальчика мать, когда увидела, что он открыл глаза.

– Не знаю, – закашлялся Емеля и приподнялся на руке. Лидия поспешно подложила подушку повыше, и он устало опустился на нее.

– Сын, кто это сделал? – спросил у мальчика Брагус, заглушив голос доктора.

– Я не знаю. Он обернул лицо платком.

– Чем он так сильно ударил тебя? – удивленно переспросил отец.

– Кулаком.

– Ты смог бы узнать его в школе, среди остальных учеников?

– Он далеко не мой ровесник, – пытаюсь восстановить последние события в памяти, заявил мальчик, – Он говорил что-то про любовь, и чтобы я не вмешивался, а то это повторится.

– Понятно. Надо разыскать Сатира! – сказал Брагус и обеспокоенно прошелся по комнате. Доктор поклонился и вышел, пояснив, что данная проблема не в его компетенции.

– Не сходи с ума, любимый, – успокоила мужа Лидия и нежно погладила сына по руке, – Все образумится, а этот безумец скоро найдется и без Сатира. Нужно подумать, кому и зачем нужно было нападать на мальчика.

– Где твой медальон, сын? – опомнился Брагус и замер на месте посреди комнаты.

– Был тут, – Емеля сунул руку под рубашку и резко уселся на кровати, подскочив вверх, – Его нет.

– Понятно. Нужно закрыть ворота и перевероршить весь город, – нашелся Брагус.

– Постой. Грабитель уже сбежал, ты только понапрасну переполошишь горожан, – разубедила его в таком поспешном решении Лидия, – Нужно подумать.

– Нужно позвать Сатира и известить жителей Ларгиндии, что за находку медальона и поимку вора я озолочу, глупо терять драгоценное время, – спорил Брагус.

– Не руби с плеча, любимый, – покачала головой Лидия и внимательно посмотрела на сына, – Емеля, поработай головой, вспомни нападавшего, его глаза. Взгляни в них. Подумай, что он хотел от тебя.

– Да я не разглядел его, у меня все плыло перед глазами. Это был мужчина, – твердо заявил мальчик, – А медальон мог слететь у меня с шеи, когда я упал.

– Это не столь важно, он бы его и сцапал. Прохожие не посмели бы прибрать себе его, тем более у тебя занятия закончились не так давно, и добрый ларг, обнаруживший тебя на дороге, принес тебя сразу же домой. Прошло немного времени, а мы его теряем, пока вор замечает следы, пытаюсь выручить деньги за медальон, – размышлял Брагус, прохаживаясь по комнате, – Вообще это глупость какая-то! Никто не купит его! Хотя можно переплавить. Но все равно, глупо.

– Так что же делать? Я подвел тебя, отец? – расстроился Емеля.

– Ты что? – улыбнулась Лидия и погладила сына по руке, – Отдохни, все будет хорошо. Не нужен нам этот медальон, пусть подавятся!

– Да, сын, все это мелочи жизни. Меня беспокоит вовсе не его пропажа, а то, что какой-то крысеныш осмелился поднять на тебя руку и нарушить спокойствие в моем королевстве, в котором все жили счастливо до настоящего момента. Сейчас мне хочется перевероршить весь Этриус и найти злодея, даже если для этого потребуется просить Сатира. Я показательно казню его перед всеми жителями Рединфорга! – добавил отец мальчика.

– Брагус! – закричала на него Лидия, – Дурной пример подаешь.

– Ладно. Никому ничего не скажем, посмотрим, что будет дальше, но тебе пора бы уже считаться с тем, что ты не обычный мальчик. Ты мог бы избежать такого неприятного для себя происшествия, – интригуяще сообщил король.

– Да, ты особенный, единственный на всем Этриусе, – кивнула Лидия.

– О чем вы, скажите прямо? – откинулся на подушку Емеля, попеременно поглядывая на отца и мать, которые тоже переглянулись.

– Ты потомственный друид, последний. Твоя прапрабабушка Друана, а твоя бабушка легендарная Луна, – пояснила Лидия.

– Ну и что? У тебя же нет никаких способностей? – не согласился с ней Емеля.

– С чего ты взял? Я наполовину эльбийка. Я не могу читать мысли или слышать все вокруг себя, но у меня превосходная интуиция, врожденная доброта и любовь к природе, ко всему живому. Мои картины до сих пор одни из лучших на Этриусе, – не отступалась от своего мать.

– А я-то точно не эльб и не друид! У меня кровь трех рас – ларга, эльба и крагла.

– Нет, Друана – друид. У Джунны, мамы Луны, как ты знаешь, тоже нет способностей к магии. У моей мамы они были! Все последующие поколения друидов черпают их силу и через поколение рождаются особенные дети. Жаль, что на Этриусе не осталось ни кого, кто мог бы обучить тебя волшебству, ведь тебе это по плечу, – обнадежила сына Лидия.

– О, я устал, мам, – закрыл глаза Емеля и опустил руку сгибом локтя на лоб, – Оставьте меня, пожалуйста, эти разговоры угнетают меня. Слишком много событий для одного дня. Не сердитесь.

– Хорошо, отдыхай и ни о чем не беспокойся, мы рядом, – ответила Лидия и поднялась с кровати. Они с Брагусом тихо вышли из комнаты и прикрыли за собой дверь. Емеле необ-

ходимо как следует выспаться перед ужином, а покушав, он окончательно восстановит силы. Главное, чтобы он восстановился не только физически, но и морально после такого тяжелого потрясения.

Действительно, для мальчика был не самое подходящее время узнать о своих скрытых способностях, которыми ему никогда не придется воспользоваться, ведь на Этриусе никто не научит его волшебству, так что надеяться мальчику остается только на более реальные резервы своего организма. Хотелось верить, что напавший на юного принца мужчина обознался или вернет медальон, когда протрезвеет и поймет, что натворил. Вспоминая это ужасное событие, Емеля совершенно не понимал, о чем говорил ему его обидчик, ведь Мириам сама предложила ему свою дружбу, и он не делал никаким девочкам из школы ничего плохого. Мальчик вообще еще не успел совершить ничего плохого, за что его следовало так жестоко наказывать, да еще и обещать проделать с ним то же самое повторно, если он не одумается. Все это было очень странно и необъяснимо исходя из того, что было известно мальчику. Емеля решил не ломать голову угрызениями совести.

Глава 10. Ночь на острове

Атмосфера в портовом трактире царила вполне спокойная, чем того ожидали ученый и его ученик. В углу играл на гитаре и довольно сносно пел какой-то пьяный бард, кто-то слушал его, кто-то играл в карты или кости, кто-то просто напивался до беспамятства, никому не мешая. В центре зала на одном из столов танцевала чарующая распутница, хозяин заведения разливал выпивку, а милая толстая тетушка разносила ее, всячески подбадривая посетителей, чтобы они не грустнели. При необходимости она вмешивалась в назревающие конфликты и, используя все свое обаяние, успокаивала разгоряченных зачинщиков, не позволяя им нарушить спокойствие и испортить отдых остальным, ведь, как известно, в таких заведениях всегда присутствует немало посетителей, которые не ищут ссоры, но с радостью примут участие в драке. В целом здесь можно было неплохо отдохнуть после тяжелого дня, но так же и нажать себе неприятностей на всю оставшуюся жизнь.

Ученый и его ученик без опасений двинулись за Творцом к свободному столику, который к их радости нашелся, но он находился в самом центре зала, где обычно происходит самое веселье. Выбирать не приходилось. Посетители уселись за стол, и Творец, подзвав к себе тетушку, попросил принести ему и его друзьям три больших кружки холодного пива за его счет. Судя по всему, он тут был завсегдатай, поэтому ученый перестал опасаться неприятностей, удобно усевшись на стуле и пытаясь разобраться, о чем пел бард. Он тоже обратился к тетушке, попросив ее принести что-нибудь горячее к выпивке, желательно мяса, так как он изрядно проголодался, а у него как раз имелось несколько золотых монет. Это послужило хорошим ответным жестом на доброту, проявленную Творцом. Сейчас спасенные им путешественники не могли ничем отплатить ему за опеку, а он наверняка тоже был бы не прочь немного перекусить. Юноша же даже не посмотрел куда садился, не сводя глаз с чарующей своим танцем распутной девушки на соседнем столе. Его можно было понять, ведь она была одета, мягко говоря, нескромно, и каждый мог без труда любоваться ее обнаженными прелестями. Разместившись за столом раньше ученого и его ученика, Творец внимательно проследил за тем, чтобы его друзья не промахнулись мимо своих стульев, и как бы невзначай направил юношу в верном направлении, придерживав его за локоть, чтобы он не уселся на пол. Через пару минут толстая тетушка принесла выпивку и мясо, так что теперь можно было наслаждаться приятной ночью в милom заведении.

– А почему это вы угощаете его, а не меня? – по-приятельски толкнув в плечо, обратился к ученому один из посетителей, сидевший за соседним столиком пьяный орк. Он находился в компании трех гоблинов, которых очень беспокоили ноги танцовщицы, что они шуточно вынуждали ее двигать ими более энергично, норовя укунить ее или схватить рукой, а когда кому-нибудь из них удавалось получить по лицу босой стопой, они приходили в неопиcуемый восторг. Их игра выглядела довольно-таки омерзительно, но не только гоблинам нравились шлепки ее босых ног по их щекам. Сама танцовщица тоже получала удовольствие от попадания по наглым зазевавшимся мордам этих обезумевших обожателей ее тела.

– Позвольте, но мы старые друзья и случайно встретились здесь, – пояснил орку ученый, не желая больше изъясняться перед ним, и отвернулся.

– Позвольте, но в следующий раз вы можете встретиться со мной раньше, чем с вашим другом. Угостите же и меня тоже одной другой кружечкой пива, – похлопал его по спине орк, снова привлекая к себе внимание.

– Милейший, я потратил все свои сбережения на закуску к пиву, а выпивку купил мой друг. Мы тоже не шикуюем, – объяснился старик и отхлебнул из кружки.

– Я смотрю, вы хорошо устроились! – нахмурился орк, – Ваш молодой спутник с любопытством рассматривает мою девушку, и я уверен, что он получает удовольствие, а вы даже не хотите угостить меня пивом.

– Как я понимаю, она ни с кем не оговаривала, что за любование ее танцем будет братья плата, не так ли? Давайте спросим ее, не противится ли она тому, чтобы мой ученик глядел на нее? – старика тоже начал раздражать приставучий пьяный посетитель трактира.

– Может, ты пока что соберешь плату с тех, кто тут уже давно и затер до дыр глазами твою так называемую девушку, хотя я ее знаю лично и не думаю, что ты знаком с ней больше нескольких последних часов проведенных здесь? – решил вмешаться в их разговор успевший заскучать Творец. Такое грубое обращение к орку еще больше исказило его и без того недовольную гримасу.

– Ну что ж, тогда начнем с тебя. Я хорошо помню, что ты тут сидел все это время и глазел на нее. Думаю, кружку пива ты уже мне должен, приятель! – бездумно воскликнул орк.

– Если пустая голова, пьяны твои глаза и глухи уши, отчет себе отдавай, а глупость, сказав, не забывай слушать! – покачал головой Творец и незаметно для него опустил левую руку пол стол и сжал в кулак ножны.

– Что? Ты не хочешь платить за зрелище? – пробасил орк, схватив вполоборота со своего стола недопитую кружку пива, и разом опустошил ее, – Пойдем-ка, выйдем на свежий воздух, приятель, и посмотрим, у кого пьяны глаза.

– Ища ссоры с незнакомцем, разужнай о нем и оцени свои шансы. Если ничтожна цель в умишке твоём, ни к чему финансы. Дело с концом, если мы мирно попьём и насладимся ее танцем, – свободной рукой творец махнул в направлении выхода, тем самым предложив орку покинуть заведение первым. Тот охотно поднялся, прихватив свой топор, стоявший опираясь рукоятью на спинку его стула, и собирался выйти из трактира, но его окрикнул один из гоблинов.

– Ты куда? Это же Стихоплет. Не связывайся с ним! – предупредил он его.

– Вообще-то только что он задолжал мне выпивки, которой хватило бы угостить здесь всех присутствующих, но тут же отказался от своих слов и сказал, что у меня ничтожное умишко! – закричал орк на все заведение, схватив топор.

– Стихоплет, это так? – уточнил гоблин и тоже взял длинный охотничий нож со стола, который лежал прямо перед ним.

– Повторяться не хочется, но если пуста голова и глухи уши, лучше ни к кому не приставать, ведь может закончиться то, что не успело пожить, – кивнул Творец и выхватил свой меч из ножен, – Многие тут меня знают и подтвердят, что я никогда не грублю первым, но когда я сталкиваюсь с несправедливостью, то лучше ей извиниться.

– Ах ты, словоблуд, умри! – закричал на него орк, не желая вникать в смысл сказанного, и взмахнул топором перед ним, разрезав воздух. Творец ловко увернулся и отступил на несколько шагов назад, оттолкнув от себя случайно налетевшего на него посетителя заведения, который извинился и пошел дальше по своим делам.

Гоблин выругался, определенно оставшись недовольным тем, что его приятель затеял драку, но решил помочь ему и ринулся с ножом в руке на находившегося в данный момент в центре внимания отважного защитника путешественников, во второй раз заступившегося за ученого и его ученика. Когда между орком, гоблином и Творцом завязалась драка, раздался скрежет стали, спокойствию в трактире пришел конец. Еще другие два гоблина, сидевшие за столом вместе с участниками драки, ринулись на помощь к своим друзьям, а последний из них, вероятно, посчитал, что ученому и его ученику скучновато. Он атаковал старика, который вовремя сообразил, что некоторое время ему придется защищаться самостоятельно, пока Творец не расправится с четырьмя противниками, и подскочил со стула, закрывшись им. Юноша последовал его примеру и встал с ним плечом к плечу, тоже закрывшись своим стулом, как

щитом. По всему трактиру теперь разносились бранные, но радостные крики. В разные стороны полетели пустые или недопитые бутылки и кружки. Распутная девушка с истошным криком соскочила со стола, прикрывая руками и пригибая голову. Она спряталась под столом. Толстая тетушка бросила поднос с дымившейся на нем жареной курицей и грозно потребовала прекратить безобразие и драку. Никто не обратил на нее внимания, кроме засмеявшегося над ее тщетной попыткой пьяного рыжебородого ларга, сидевшего поблизости. Тетушка, недолго думая, влепила ему с размаху кулаком в нос. Мужик повалился под стол, сломав у него несколько ножек и издав какие-то булькающие звуки, затих под ним.

Неожиданно разразившаяся бойня в портовом трактире с каждой новой минутой начала принимать все более ужасный оборот, особенно когда на стол, под которым спряталась танцовщица, повалился один из участников всеобщей драки. Она успела отскочить, но была обильно обрызгана чьей-то кровью, поэтому, размахивая руками над головой, помчалась прочь на набережную, чтобы смыть ее с себя. Ей повезло. Девушка беспрепятственно покинула шумный трактир, где уже никто не оставался в стороне от глупой кровавой неразберихи. Даже хозяин заведения уже не находил слов и по мере своих скромных сил пытался вразумить пьяных посетителей, что им всем пора отправиться на свежий воздух. Ночное спокойствие было так глупо нарушено по вине заскучавшего орка, вот только стоило ли менять полуночный отдых в компании друзей с кружкой холодного пива и танцующей девушкой на столе на то, что он получит в итоге после ссоры с Творцом, который превосходно владеет не только словом, но и мечом.

Глава 11. Милосердие

Разъяренный орк, неистово махая своим топором, совершенно не задумывался над тем, что благодаря его глупым претензиям и необъяснимому для него самому желанию изрубить Творца, мирно отдыхающих посетителей трактира обуял гнев, и зале разразилась кровавая бойня. Он так нетерпимо хотел поскорее расправиться со своим противником, что атаковал его, словно пытался освободить прикрепленную к нему марионетку, которая болталась перед ним на определенном расстоянии из стороны в сторону, а ему никак не удавалось перерубить удерживающую ее веревки. В глазах окружающих и своего противника орк выглядел крайне нелепо, ведь не трудно было догадаться, что он обычный лесоруб или кораблестроитель, изрядно перебравший крепкого вина после тяжелого рабочего дня и решивший выплеснуть свои негативные эмоции на опытном фехтовальщике из Ларгиндии. Творец же не имел намерений убивать его, позволяя ему выпустить пар на себе, рискуя превратиться в мясной фарш. Однако ему следовало предпринять что-то посущественнее, чтобы обезопасить себя от разъяренного орка, не дожидаясь пока он выпустит пар или обессилено повалится на пол, так как его смерти жаждали еще три гоблина, которым помешали наслаждаться чарующим танцем полуобнаженной девушки, но их оскорбленные чувства и ответственность за жизнь своего пьяного приятеля взяли над ними главенство. Уверенному в своей правоте, но вынужденному отстаивать ее Творцу не оставляли выбора.

Все произошло внезапно. Взмах топора. Резкий выпад меча с колена. Грозный рев от боли орка. Творец просто уже успел изучить его однообразную тактику и уличил нужный момент. Когда его противник по инерции завершал тщетную попытку срубить его голову, он присел под просвистевший над ним топор и нанес жалиющий удар в область подмышки поднятой руки орка. Самым жестоким здесь оказалось то, что он провернул острие, когда оно пронзило мышечные волокна и погрузилось в тело. Не мудрено, если оказались разрублены сухожилия и повреждена кость. Топор непослушно выпал из рук нападавшего, хотя задрожавшие пальцы упорно пытались удержать его.

– Что ты сделал со мной? Я потею?– мгновенно протрезвев, закричал орк, стараясь понять, что произошло, почему ему болезненно сводит всю руку, а из подмышечной впадины сочится кровь. Ответ уже не требовался, особенно после того, как меч незаметно переметнулся к горлу пострадавшего.

– Целый день потея, махая своим топором, будет плохой затеей не проснуться утром. Уж лучше, имея минимальный урон, спасти свое тело и познать добро, – проговорил Творец, твердо удерживая меч в вытянутой руке у его кадыка.

– Я все понял, приятель, – прошептал орк, осторожно отодвигая от себя уцелевшей рукой окровавленное острие.

– Когда тебя предупреждали, ты строил гримасы, а когда людские массы сражались, кстати, по твоей вине, ты взялся за иную роль, плевав, что еще пару дней здесь сохранится чья-то боль, – добавил Творец, будто выражая несогласие.

– Да понял я, прости, – заверил его орк и громко закричал на весь зал, чтобы его услышал каждый, хотя в царившем в нем кровавом вертепе было сложно привлечь к себе чье-либо внимание, – Прекратите, друзья мои! Милейше прошу простить меня! Прекратите лить кровь друг друга понапрасну. Я нарушил ваш мирный отдых – мне и отвечать.

Было удивительно, но его слышали. Шум драки, лязг металла, хруст древесины, звон стекла и крики посетителей трактира стихли.

– Ну хочешь, прикончи меня. Не знаю, колдун ты или волшебник, но мне стало стыдно, – пожал плечами орк.

– Осознать ошибки и уметь исправить их – это большого стоит. Многие падали шибко, губили других, не пресекая бои. Иди, будь гибким. Мой стих стал и твоим, – Творец плавно опустил свой меч и направился к своим друзьям, а орк поспешил покинуть трактир под пристальными взглядами окружающих. За ним следом ретировались гоблины, с которыми он выпивал до начала драки. Впервые здесь прекратилась такая массовая драка посредством убедительных речей оскорбленного гостя заведения, способного наказать оступившегося, но проявившего к нему милосердие. Все находились под впечатлением, и их желание продолжить беспорядок исчезло, словно и не возникало вовсе.

Творец нашел своих друзей практически на том же самом месте, где оставил их меньше чем полчаса назад, хотя за это время вокруг все переменилось до неузнаваемости и стало затруднительным определить, где тот или иной предмет находился прежде. Переломанные столы и стулья валялись на полу вперемешку с телами поверженных отдыхающих в кровавой драке.

– Надеюсь, вы не пострадали? – с беспокойством поинтересовался Творец у своих друзей, которые не сводили с него восторженных глаз. Свои стулья сохранить у них не получилось, поэтому они просто стояли, как и все остальные в зале. Благо на островах в избытке имелись массивы джунглей и леса, поэтому в скором времени в трактире запахнет свежей древесиной от отремонтированной и новой мебели.

– Я в порядке, а вот Роланду досталось не слабо, – огорчил мастера слова и фехтования ученый, – Мы защищались стульями от гоблина, вооруженного ножом, но он оказался не так проворен, как хотелось бы. Все-таки мой ученик спас меня, ведь я бы точно не устоял под натиском пьяного дебошира. Посмотри сам, что натворил этот одуревший от вина гоблин.

– Обильная потеря крови. Голова кружится, Роланд? – спросил юношу Творец, наблюдая потеки крови и множественные порезы на рубашке юноши.

– Это не самое страшное. Он ранен, – ученый был вынужден ответить за своего ученика, ведь того пошатнуло, и он еле удержался на ногах, поймав за руку подоспевшего к нему Творца, – У него две колотые раны. Одна не опасна – нож вошел чуть ниже ключицы, а другая может отобрать у него жизнь, если мы не поспешим оказать Роланду срочную медицинскую помощь. Гоблин ткнул его в живот и как глубоко неизвестно.

– Хватай парня, – сказал Творец. Они с ученым взяли израненного юношу под руки, и повели его к хозяину разгромленного заведения. Никто не посмел остановить их и побеспокоить. Никому из присутствующих больше не хотелось здесь задерживаться. Приятное ночное веселье было испорчено.

Особых объяснений не потребовалось для привыкшего к разного рода исходам чьей-то дурной спеси хозяина трактира. Он препроводил своих гостей в одну из комнат, не потребовал платы, ведь он прекрасно понимал, что предотвратившие дальнейший погром в зале подданные Ларгиндии обязательно возместят ему все труды хлопоты, так как они отличались от большинства знакомых ему честолюбием и добротой, а значит, они не останутся в долгу. Других свободных комнат у хозяина заведения не было, да они и не требовались, ведь до рассвета оставалось совсем немного времени, а с первыми лучами солнца Творец, ученый и его ученик должны были бы напомнить о себе Пиранье, обещавшей переправить их на материк.

По пути в комнату, учтиво предоставленную путешественникам и их другу до утра, Роланд потерял сознание. Его уложили на единственную кровать, обработали раны и перебинтовали без помощи врача, без которого, кстати, нельзя было установить, насколько велика опасность полученных повреждений юноши, и не началось ли у него заражение крови. Переживая за его жизнь, ученый и поэт не находили себе места. Будучи не способными заснуть, они решили скоротать остаток ночи за бутылкой вина, а о большем они и мечтать не могли. Единственное, чего сейчас хотелось старику и поэту, – так это то, чтобы жизненно важные органы юноши остались неповрежденными после ранения в драке. Ни тот, ни другой не про-

стили бы себе смерти Роланда, чувствуя свою ответственность за его жизнь целиком и полностью. Оставалось только ждать и надеяться, что рана начнет быстро заживать, иначе юноша не скоро доберется до Рединфорта, а возможно вообще не вернется домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.